

Вопросы экономики и права

**№ 2
2013**

Редакционный совет:

А.П. Торшин - председатель редакционного совета, заместитель Председателя Совета Федерации, кандидат юридических наук
Е.М. Ашмарина - доктор юридических наук, профессор
А.Г. Лисицын-Светланов - директор Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В.Н. Викторов - первый заместитель руководителя Аппарата Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор
Ю.В. Голик - доктор юридических наук, профессор
В.А. Гамза - первый вице-президент Ассоциации региональных банков "Россия", кандидат юридических наук, кандидат экономических наук
С.Н. Сильвестров - заместитель директора Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор
А.В. Мецеров - главный редактор журнала "Экономические науки", доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Е.М. Ашмарина - главный редактор журнала "Вопросы экономики и права", доктор юридических наук, профессор
О.Ю. Бакаева - зав. кафедрой публично-экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Болгова - доктор юридических наук, профессор
Ю.В. Ильин - руководитель секретариата Первого заместителя Совета Федерации
А.А. Ливеровский - декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (ФИНЭК), доктор экономических наук, профессор
И.В. Рукавишников - декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Симонов - начальник инспекции Счетной палаты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

Подписной индекс **70180** (Агентство "Роспечать")

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.,
выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия

*Журнал включен в Перечень ВАК Минобрнауки России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

Главный редактор доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**

Ответственный секретарь редакции доктор юридических наук, профессор **В.В. Болгова**

Редактор *И.Н. Лошкарева*
Компьютерная правка и верстка - *О.В. Егорова*

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Цена договорная

Учредитель - ООО "Экономические науки"
(125252, г. Москва, Чапаевский пер., д. 3, оф. 775)

© Вопросы экономики и права, 2012

Подписано в печать 29.01.2013 г. Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 21,39 (23,0). Уч.-изд. л. 25,56. Заказ №

Отпечатано в издательстве ООО "24-Принт"

Научно-информационный журнал**В НОМЕРЕ:****ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ****ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

- Павлушина А.А., Финогентова О.Е., Никифоров С.М.** Законодательное регулирование деятельности общественных собраний (клубов) в Российской империи в XVIII - конце XIX в. 7
- Лунин С.В.** Система доказательств по Стоглаву 12

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Шиминова М.Я.** Возмещение убытков по договорам имущественного страхования (по материалам судебно-арбитражной практики) 15
- Зубанова О.Я.** Безопасность информационной системы Пенсионного фонда Российской Федерации: правовые основы 28
- Стрелина О.В.** Особенности алеаторности доверительного управления паевым инвестиционным фондом как алеаторного договора 31
- Никитина Н.А.** Рынок ценных бумаг как среда формирования и конкретизации публичных экономических интересов 35

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

- Кострба М. Я.** Неправомерный захват собственности путем рейдерства: понятие, формы, способы совершения и пути противодействия 40

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

- Бурцев С.А.** Дисциплинарное судебное присутствие: ретроспектива и актуальность современной системы правового регулирования 44
- Ланг П.П.** Элементная структура юридического процесса 49

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**

- Саткалиев А.М.** Экономические возможности и проблемы развития энергетики Казахстана 57
- Зельднер А.Г., Козлова С.В.** Система показателей для оценки функционирования и мониторинга особых экономических зон 62
- Новицкий Н.А.** Государственно-частное партнерство как инструмент инвестирования инновационной индустриализации в России 69
- Вдовенко А.А.** Проблемы развития малого бизнеса в России 74

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Герасимова В.А., Мокичев С.В.** Образование как приоритетная форма развития инновационного человека в институциональной экономике 78
- Момот Р.В., Андреев С.И.** Индикативный подход к исследованию проблем потребления творческого капитала 82

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Иванов С.В. Интеграционные процессы в инжиниринге	86
Чиналиев В.У. Интеграция организационно-экономических механизмов для перевода на качественно новый уровень модернизационных преобразований в российской промышленности	91
Абдусаламов Т.А., Магомедова А.Г. Анализ инновационной активности в Республике Дагестан	94
Шовунова Н.Ю. Повышение конкурентоспособности хлеба и хлебопродуктов на стадиях технологического процесса	100
Исупов А.М. Диагностика финансового состояния предприятий авиастроительного кластера Самарской области	105
Химич Ю.С. Методические основы анализа и оценки конкурентоспособности предприятия	111
Будович М.С. Институт оценки в управлении предприятием и экономикой страны	114
Матвеева О.А., Василенок В.Л. Значение формирования кластеров в экономике России и зарубежных стран	119

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Ломаков С.Ю. Особенности, источники и объемы финансирования федерального медицинского учреждения, предоставляющего населению высокотехнологичную медицинскую помощь	124
Киреева И.Р. Оценка эффективности расходов региона на физическую культуру и спорт: опыт Республики Татарстан	127

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА

Исмаилов Н.М.-оглы. Юридическая концепция капитала	139
Лапшин П.В. Производственный учет: теоретические основы и содержание	152
Черкасова Т.И. Капитал в условиях инновационной экономики: комплексный подход к его анализу	157

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Можаровский Е.В. Международный опыт использования секьюритизации активов на примере США	162
Саткалиев А.М. Стратегия “Казахстан-2030” и формирование инновационно-конкурентной модели энергетики	168
<i>Annotations to the Articles</i>	173

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Теория и история государства и права*
- Экономическое право*
- Уголовное право и криминология.
Уголовно-исполнительное право*
- Юридический процесс*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОБРАНИЙ (КЛУБОВ) В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII - КОНЦЕ XIX В.

© 2013 А.А. Павлушина

доктор юридических наук, профессор

Самарский государственный экономический университет

© 2013 О.Е. Финогентова

доктор юридических наук, профессор

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

© 2013 С.М. Никифоров

Самарский государственный экономический университет

E-mail: lvls@mail.ru

Анализируются уставы общественных собраний (клубов) в Российской империи в XVIII - конце XIX в. Выявляется структура и содержание их уставов. Выясняется конструкция юридического лица по законодательству Российской империи указанного периода.

Ключевые слова: общественные собрания, клубы, благотворительные заведения, салоны, уставы.

Законодательство Российской империи не использовало термина “юридическое лицо”, но понимание сути и значения этого понятия у него существовало.

Так, в третьем разделе второй книги первой части десятого тома Свода Законов Российской империи ст. 698 прямо указывает на то, что “права на имущества могут приобретать: казна, дворянские, городские и сельские общества, земские учреждения, епархиальное начальство, монастыри и церкви, кредитные установления, богоугодные заведения, учебные и ученые заведения, сословия лиц”¹.

По сути, перечисленные организации являлись юридическими лицами и представляли собой три категории юридических лиц: учреждения публичного характера, коммерческие и некоммерческие юридические лица.

Отсутствие прямого указания в законе на то, какие организации выступают юридическими лицами, а какие нет, отсутствие прямо перечисленных признаков юридического лица на практике часто приводили к различным юридическим казусам, пока в решении Кассационного гражданского департамента Правительствующего Сената от 1880 г. № 246 при разрешении вопроса о праве волостного схода на заключение займа для погашения числящихся за крестьянами недоимок не было дано разъяснение о том, какие организации являются юридическими лицами, а какие нет.

По мнению Сената, “юридическое лицо есть субъект права, не подходящий под понятие физического лица. Юридические лица возникают искусственно, с разрешения подлежащей власти, для достижения известных целей. Юридическому лицу не могут принадлежать все те права, которые принадлежат лицам физическим, а только такие, которые необходимы ему для достижения его специальной цели существования, а вследствие того эти права определяются тем актом, который создает и признает существование юридического лица”².

Были и другие решения Сената, разъясняющие конструкцию юридического лица и основные его признаки: решение гражданского отделения кассационного департамента от 1883 г. № 115, которое указывает на различие собственности общества как юридического лица и собственности общей, принадлежащей отдельным лицам общества³; решение от 1882 г. № 152 о значении изменчивости личного состава юридического лица⁴, решение от 1888 г. № 63, где разъясняется вопрос возможности составления завещания в пользу юридического лица, которое не существовало в момент смерти завещателя и устройство которого было назначено в завещании⁵; решение от 1879 г. № 289, в котором разъяснялся вопрос о завещании имущества “на дела общественного призрения, то земство только в том случае получает право на это имущество, если предметы, на

которые назначено имущество, находятся в его ведении по закону”⁶ и т. д.

Статья 174 “Устава об общественном призрении” указывает, что “частным людям, обществам, городам и селениям не возбраняется учреждать от себя благотворительные заведения или к учрежденным уже что-либо прибавлять, с тем однако же, чтобы то и другое сходствовало с общими, на сей предмет постановленными правилами”⁷. В статье 175 того же устава прямо указывается на то, что “предположения частных людей об устройении благотворительных заведений приводятся в действие местным начальством или ими самими не иначе, как с дозволения правительства”⁸.

Соответственно, российскому законодательству всякое юридическое лицо требовало признания государственной власти в каждом отдельном случае, при этом права юридического лица могли быть прямо в законе не указаны, в таком случае оно приобретало те права, которые представлялись законом для данной категории юридических лиц.

Одним из первых в России законодательных актов, имевших отношение к общественным организациям, был “Устав благочиния или Полицейский”, который предусматривал: “Управа благочиния законом утвержденное общество, товарищество, братство или иное подобное установление, охраняет в своей законной силе...”⁹

Во второй половине XVIII в. в Российской империи появляются общественные организации в виде обществ, кружков, клубов, преследующие самые разные цели: благотворительные, научные, культурно-просветительные. Многие из этих организаций имели свои программные документы и даже создавались по инициативе верховной власти, например, в 1765 г. по инициативе Екатерины II учреждается Вольное Экономическое общество, в 1771 г. Вольное Российское собрание при Московском университете¹⁰. Первым культурно-просветительным обществом являлось организованное в 1819 г. Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения¹¹.

В первой четверти XIX в. одной из форм организации досуга привилегированных слоев общества начинают выступать скопированные с европейских образцов салоны. В салонах были установлены приемные дни, отсутствовали специальные приглашения. “В таких салонах собирался, как правило, один и тот же круг лиц, которым было

предоставлено право вводить новых гостей, в особенности для общения на темы искусства, литературы, музыки, философии, а также политики. Другими занятиями могли стать игры, чтение, лекции и даже театральные инсценировки”¹².

К середине XIX в. в России существовало большое количество организованных объединений: обществ, клубов, общественных собраний самой различной направленности¹³. Организация деятельности этих объединений определялась уставом, который утверждался лично министром внутренних дел. При этом необходимо учитывать, что первоначально единого закона или примерного устава, как это было с коммерческими юридическими лицами, для данного вида юридических лиц в Российской империи не существовало.

Поскольку устав являлся самым важным организационным документом любой общественной организации и регламентировал все стороны деятельности общества, процедура его утверждения могла длиться достаточно долго и сопровождалась многочисленными согласованиями каждого пункта с чиновниками как на местном, так и на правительственном уровне¹⁴.

Первоначально для открытия любого общества требовалось Высочайшее утверждение его устава лично Государем Императором, с середины XX в. процедура несколько упрощается. Принимаются закон от 12 января 1862 г. “О представлении МВД права утверждения уставов обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной и общепольной целью”¹⁵ и закон от 3 января 1869 г., регламентирующий порядок открытия благотворительных учреждений, “О предоставлении МВД права утверждения уставов общественных и частных благотворительных заведений”¹⁶. Теперь для открытия общества необходимо его утверждение соответствующим министром: внутренних дел, народного просвещения (научные общества), государственных имуществ (сельскохозяйственные общества), финансов (торгово-промышленные организации) и т. д. Общества, просившие от правительства особые льготы и привилегии, утверждались в прежнем порядке.

Относительное упрощение процедуры открытия некоммерческих организаций приводит к тому, что в середине XIX в. в России открывается большое количество различных организованных объединений: обществ, клубов, общественных собраний самой различной направленности¹⁷.

С конце XIX в. правительство разрабатывает и принимает так называемые примерные и нормальные уставы для определенных видов обществ. Всего было разработано 15 типовых уставов для следующих видов объединений: скаковых, охотников конского бега, взаимного вспомоществования учащим и учившим, городских и сельских пожарных, пособия бедным, помощи нуждающимся учащимся, потребительских, сельскохозяйственных, трезвости, музыкально-певческих, велосипедистов, взаимной помощи, взаимной помощи на случай смерти, взаимной помощи вступающим в брак и т. д.¹⁸

В 1874 г. был составлен Нормальный устав общественных собраний, законным порядком закрепивший за ними “признаки” салона: иметь своей целью организацию развлечений, обладать привилегированным составом, действовать легально¹⁹.

Клубы, или, как их называли в русской юридической литературе и практике, “общественные собрания”, в отличие от салонов, имели свой устав, списки членов, обязательные членские взносы и органы самоуправления, цели и программу: “Общественное собрание имеет целью доставить членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой”²⁰.

Первые клубы появились в России в конце XVIII в., старейшим являлся Санкт-Петербургский Английский клуб. По разъяснению Правительствующего Сената, данному им при рассмотрении устава Рязанского Благородного собрания, клубом (общественным собранием) являлось: “Разрешенное правительством общество, образованное, по соглашению учредителей, с определенной целью и с известными для достижения этих целей правами и обязанностями, что каждый вновь поступающий в собрание член, принимая на себя обязательства, как личные, так и по имуществу, и приобретая вследствие этого известные выгоды, тем самым входит с... собранием, как юридическим лицом в договорные отношения”²¹. В этом разъяснении четко указывается на то, что собрание с точки зрения юридической практики того времени считалось юридическим лицом.

Организационное единство общественных собраний было закреплено собранием учредителей клуба, на котором вырабатывался устав клуба. Для внесения изменений и дополнений в ус-

тав клуба достаточно было положительного голосования 2/3 членов клуба (см.: Устав Санкт-Петербургского русского купеческого общества ст. 88; Устав Московского Английского клуба ст. 50). Требования устава обязательны для исполнения всеми его членами: “Находящиеся в собрании лица в точности подчиняются установленному в собрании порядку и сделанным правлением распоряжениям”²². Выполнение требований устава клуба было обязательно не только для членов, но и для гостей клуба и сторонних лиц²³.

Другим важнейшим признаком юридического лица является наличие обособленного имущества, принадлежащего ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

В приведенном выше разъяснении Правительствующего Сената было прямо указано на то, что клубы имели право на владение различного вида имуществом, необходимым для осуществления его целей. В уставе некоторых общественных собраний это право было прямо закреплено: “Собственность собрания заключается в принадлежащих ему: денежном капитале и прочих движимостях, как то: библиотеке мебели, сервировок, постройках, а также недвижимостях, если таковые будут приобретены”²⁴.

Причем право на имущество не принадлежало в долях его членам, а принадлежало именно клубу. В случае выхода из собрания или смерти члена собрания наследники не приобретали прав на имущество собрания. На это прямо указывалось в уставах собраний: так в § 41 Устава Санкт-Петербургского благородного собрания записано: “Все принадлежащее собранию имущество составляет нераздельную собственность всех членов и состоит в общем их владении, без права выдела частей в пользу отдельных членов”²⁵, у членов собрания не существовало права общей собственности на имущество собрания, в случае закрытия собрания они не имели права требовать себе выделения доли из имущества клуба “при закрытии собрания, по удовлетворении всех обязательств общества, оставшемуся имуществу дается назначение по определению общего собрания”²⁶. Клубы не отвечали по долгам своих членов, и, наоборот, члены клуба не отвечали по его долгам. Все позволяет сделать вывод об обособленности имущества клубов.

Управление клубом осуществлялось выборными членами правления или старшинами: “Старшины суть представители клуба во всех отноше-

ниях одного с разными правительственными и частными учреждениями и лицами²⁷. Именно правление представляло интересы клубов в различных имущественных отношениях: заключало договоры аренды и найма помещений, договоры на поставку продуктов для кухни клуба: “Совету старейшин принадлежит полное распоряжение по хозяйственной части; он заключает контракты, покупает мебель, посуду, столовое белье и пр.”²⁸

В компетенцию членов правления также входил наем работников, наблюдение за исполнением работниками их служебных обязанностей, причем это специально оговаривалось в уставе клуба и вменялось им в обязанность: “Совет нанимает лиц для службы в собрании, как то: повара, дворецкого и пр., строго наблюдая, чтобы все они исполняли свои обязанности честно, усердно и рачительно”²⁹. На такие важные должности, как бухгалтер и его помощник, правление могло нанять членов собрания, которым за это выплачивалось жалование.

Членский состав клубов регулировался и его уставом, в котором специально оговаривалось, какие лица могли быть приняты в члены клуба: так, членами Русского общества для взаимного вспоможения могли быть “почетные граждане, купцы и купеческие приказчики”³⁰, членами Санкт-Петербургского благородного собрания могли быть “только лица, состоящие на государственной службе, потомственные почетные граждане, имеющие ученые степени и звания художников, техников и т.д.”³¹

В уставах особо оговаривалось, что членами собрания не могли быть “несовершеннолетние, воспитанники учебных заведений, нижние чины, лица, опороченные судом, и пр.”³².

Особое внимание в уставах уделялось полномочиям различных комитетов и ревизионных комиссий, которые избирались в клубах для контроля за деятельностью старшин клуба. В обязанности старшин или дежурного, находящегося в собрании, входило наблюдение за порядком в зале. В случае нарушения порядка, требований вежливости и приличия членом клуба или гостем в обязанности дежурного старшины вменялось сделать такому посетителю замечание, в случае необходимости он мог пригласить нарушителя в контору собрания для дачи объяснений, а в самом крайнем случае потребовать от него покинуть собрание. Все нарушения фиксировались в присутствии свидетелей в виде протокола, который затем рас-

сматривался в заседании старшинами клуба с приглашением свидетелей и виновного беспорядков. По результатам рассмотрения выносилось решение о дальнейшем членстве нарушителя в клубе. Если лицо, нарушившее клубные правила, было гостем, то оно лишалось права посещения собрания навсегда, если это был член собрания, то вопрос о его дальнейшем членстве решался на общем собрании клуба, которое должно было быть созвано в двухнедельный срок³³.

Клубы могли от своего имени выступать в судах по гражданским делам, о чем свидетельствует судебная практика того времени. При этом внутренние споры членов клуба друг с другом и старшинами как имеющие предметом нарушение или столкновение личных или имущественных прав частных лиц, если порядок их разрешения не предусмотрен в уставе клуба, подлежат ведению суда в общем порядке уголовного или гражданского судопроизводства³⁴.

Анализ нормативной базы русских общественных собраний позволяет говорить о том, что основным документом любой общественной организации являлся устав обществ, в уставе закреплялись цели и задачи общества, направление его деятельности, внутренняя структура, руководящие органы.

Для того чтобы общество могло выступать от своего имени, т.е. обладать правоспособностью юридического лица, устав должен был быть утвержден установленным образом. Без подобного утверждения общество не могло существовать.

С 1896 г. открытие общественных организаций упростилось, разрешение на открытие потребительских, сельскохозяйственных, благотворительных, пожарных и других обществ, составлявших свои уставы на базе нормальных или типовых уставов, могла выдавать местная администрация (генерал-губернатор, губернаторы, градоначальник).

Первоначально уставы составлялись учредителями самостоятельно и их содержание законодательно не регламентировалось. С принятием нормальных или типовых уставов появился определенный набор положений, которые должны были быть закреплены в уставе. К подобным обязательным положениям относились: цель создания общества, задачи, решаемые в результате его открытия, регион, формы деятельности, источники финансирования, органы управления

обществом, правила приема в члены общества и порядок его ликвидации³⁵.

В результате введения нормальных уставов структура и содержание уставов различных обществ была унифицирована.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. X. Кн. 2. Ст. 698.

² Решения гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб., 1880. № 246.

³ Решения гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб.: Сенатская типография. 1883. № 115.

⁴ Решения гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб.: Сенатская типография. 1882. № 152.

⁵ Решения гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб.: Сенатская типография. 1888. № 63.

⁶ Решения гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб.: Сенатская типография. 1879. № 289.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1892. Т. XIII. Ст. 174.

⁸ Там же. Ст. 175.

⁹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е]. Т. XXI. СПб., 1830. № 15379. Ст. 64. С. 467.

¹⁰ Ходнев А.И. История Императорского Вольного Экономического общества. СПб., 1865.

¹¹ Романова Н. Культурно-просветительные общества Петербурга и власть конца XVIII-XX вв. (к истории взаимоотношений) // Евреи в России: История и культура: сб. науч. тр. СПб., 1995. С. 44-54.

¹² Хэфнер Л. "Храм праздности": ассоциации и клубы городских элит в России. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин [и др.]. Ульяновск, 2000. С. 481.

¹³ Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб, 1770 -1918: очерки истории. СПб., 2004. URL: <http://www.petergen.com/sources/spbangl.shtml>.

¹⁴ Котляр Н.В. "Разумные развлечения" в общественных собраниях Дальнего Востока 1880 -1917 гг. URL: <http://eps.dvo.ru/rap/2004/2/pdf/rap-036-042.pdf>.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVII. СПб., 1862. № 37852.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXXIV. СПб., 1869. № 46615.

¹⁷ Завьялова Л.В. Указ. соч.

¹⁸ Плато К.Г. фон. Положения о частных обществах, учрежденных с разрешения министров, губернаторов и градоначальников. Рига, 1903; *Его же*. Дополнения к Положениям о частных обществах. Рига, 1905. С. 5.

¹⁹ См.: Нормальный устав общественного собрания. Вятка, 1875.

²⁰ Там же. С. 3.

²¹ Гордон А.О. Наши общественные собрания (клубы), с точки зрения юридической, и область применения гражданского иска // Журн. гражданского и уголовного права. СПб., 1883. Кн. 1. С. 6.

²² См.: Устав Санкт-Петербургского благородного собрания. СПб., 1849. Ст. 110; Устав русского купеческого общества взаимного вспоможения. СПб., 1862. Ст. 45.

²³ Устав Санкт-Петербургского русского купеческого общества. СПб., 1859. Ст. 95.

²⁴ Устав Санкт-Петербургского благородного собрания. СПб., 1849. Ст. 39.

²⁵ Там же. Ст. 41.

²⁶ Там же. Ст. 124.

²⁷ Устав Московского Английского клуба. М., 1859. Ст. 71.

²⁸ Устав Санкт-Петербургского купеческого собрания. СПб., 1859. Ст. 60.

²⁹ Устав 1 Санкт-Петербургского общественного собрания. СПб., 1803. Ст. 42.

³⁰ Устав Санкт-Петербургского благородного собрания. СПб., 1849. Ст. 5.

³¹ Там же.

³² Там же. Ст. 6.

³³ Нормальный устав общественного собрания. Вятка, 1875. Ст. 47.

³⁴ Гордон А.О. Указ соч. С. 7.

³⁵ Павлушина А.А. Международные аспекты права в условиях глобализации // Вопросы экономики и права. 2010. № 10.

Поступила в редакцию 05.01.2013 г.

СИСТЕМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО СТОГЛАВУ

© 2013 С.В. Лунин

Самарский государственный экономический университет

E-mail: kgpd@sseu.ru

Рассматриваются стадии судебного процесса по Стоглаву. Подробно определяются виды доказательств и категории свидетелей. Анализируется иерархическая система видов доказывания.

Ключевые слова: церковное право, источники церковного права, Стоглавый собор, судебный процесс по Стоглаву, церковное наказание.

Стоглав представляет собой не только крупнейший источник русского церковного права, но и один из важнейших источников московского права периода XV-XVII вв. Правительством Ивана IV были предприняты усилия по приведению системы доказательств, используемых церковным судом, в соответствие с правовыми нормами светских источников права. Тем не менее, правовая регламентация Стоглавом этой сферы сохранила свои особенности.

Стадии судебного процесса в Стоглаве строились в соответствии с последовательностью стадий в светском процессе. Глава 68 предписывала по всем делам, где это возможно, начинать рассмотрение дела с процедуры обыска, под которым понимался опрос населения с целью как определения репутации сторон, так и выявления свидетелей: “В духовных и во всяких делех кто чего на них взыщет или они сами взыщут своих обид и прочих дел: и о котором деле мочно будет по суду обыском обыскати, ино о том деле послати да велети обыском обыскати многими послухи и достоверными свидетели с очи на очи...”¹. Как видим, здесь упоминаются две категории свидетелей - “послухи” и “свидетели”. Первые призываются для свидетельствования репутации сторон, вторые являются собственно свидетелями, могущими давать показания по сути дела. Следует заметить, что в Судебнике 1550 г. это деление прослеживается далеко не настолько четко, а свидетели обычно обозначаются термином “послухи”. Например, в ст. 99 термин “послухи” упоминается именно в значении “свидетели”: “...а послуши бы, не видеви, не послушествовали, а видеви сказали б в правду”². Напротив, в Стоглаве свидетели в узком смысле этого слова и послухи не смешиваются, а дальше по тексту той же гл. 68 обе категории разграничиваются еще более определенно: “Наипаче же гре-

ховныя вины судятся по священным правилом ни ротою, ни клятвою, но достоверными свидетели и многими послухи”³. В данном случае Стоглав устанавливает иерархию видов доказывания, противопоставляя, как более заслуживающие доверия, свидетельские показания разновидностям божьего суда.

Как отмечается в научной литературе, Церковь последовательно выступала против использовавшихся в светском суде таких вариантов божьего суда, как крестное целование и судебный поединок⁴. Источники церковного права предусматривали церковное наказание для победившего на судебном поединке, рассматривая его как убийцу⁵. В качестве альтернативы этим видам ордалий Стоглав предлагает жребий, который должен применяться вместо поля и крестного целования⁶. К жребию Церковь широко прибегала и в более раннее время. Например, при выборах новгородских архиепископов использовался жребий⁷. Запрещая крестное целование и судебный поединок для церковного суда, Стоглав оговаривает запрет приводить к этим способам доказывания духовных лиц даже во время осуществления светского суда: “А крестное целование и поле священническому и иноческому чину не присуживати... ни в которых делех по священным правилом, кроме душегубства и разбоя с полишным”⁸. Как видим, исключение делалось только в делах о разбое с поличным или убийстве.

В приведенной цитате упоминается еще один вид доказательств, хорошо известный светскому праву, - поличное. Как отмечается в исследовательских работах, поличное занимало центральное место в системе доказательств со времен Русской Правды⁹. В жалованных и уставных грамотах конца XV - первой половины XVI в. поличное определяется как вещь, найденная у подо-

зреваемого “за замком”, т.е. в закрытом помещении: “а поличное то, что вымут из клетки, из-за замка; а найдут в дворе или в пустой хоромине, а что не за замком, ино то не поличное”¹⁰.

Обнаружение поличного давало основания для начала процедуры обыска (ст. 52 Судебника 1550 г.)¹¹. Н.Г. Ананьева заметила в связи с этим, что при наличии поличного у обвиняемого была возможность отвести от себя подозрение, используя древнюю процедуру свода¹². Действительно, в уставных грамотах XVI в. указывается на такую возможность: “А выймут у кого поличное да сведеть себя сводомъ да (до) коликихъ нибуди, и до пошлаго татя и своднаго нет”¹³.

Принимаемые вслед за Стоглавом грамоты подчеркивали, что недоказанное обвинение, “отведенное” обвиняемым от себя, не приводило к негативным последствиям для обвиняемого, несмотря на то, сколько раз на него до тех пор возводилось обвинение: “А у кого что познають татяное, и тотъ съ себя сведеть, хотя и до десяти его доводовъ и до чеглово татя, а продажи ему въ томъ нетъ”¹⁴.

Письменные документы также были поставлены Стоглавом выше различных разновидностей божьего суда: “А кто възыщет на них [на лицах духовного звания. - С.Л.] поклажаев, а не будет у них отписей, и тем и виновати; также и сами на ком възыщут своих поклажаев, а не будет у них потому же отписей, и тем винити таковых, а крестнаго целования и поля священническому и иноческому чину не присуживати ни в которых делех...”¹⁵.

Повышение значения письменных документов в судебном процессе проявилось в более широком использовании судебных списков. В соответствии с аналогичными установлениями Судебника 1550 г. (ст. 69) в Стоглаве предусматривалось составление судебного списка и дальнейшее вынесение решения на основании него: “И владыка, соборне судив... да тот судной список кладет перед митрополитом и обоим исцов за списком ставит с очей на очи. И митрополит выслушав список на соборе, да их воспросит: “Таков ли им в тех духовных делех перед владыкою на соборе суд был?” И скажут обои исци, что им таков суд был, и митрополит соборне тот судной список обговорит по священным правилам, да о том им указ учинити”¹⁶. Для рассмотрения дела на основе протокола судебного заседания необходимо признание его обеими сторонами. Рас-

сматривая святительский, собственно духовный суд, Стоглав, в отличие от Судебника, ничего не говорит о второй копии судебного списка, однако дальше по тексту, определяя порядок осуществления суда святительскими светскими слугами, Стоглав повторяет норму Судебника о составлении протокола судебного заседания в двух экземплярах: “И тем старостам, и целовальником, и земскому дьяку с тех судебных дел списывать противни слово в слово, да держати их у себя, а к тем списком дьяки руки свои прикладывают. А их дьяк земской или сами старосты и целовальники, и те священники, которые у них в суде сидят, к тем судебным списком ко обоим, которые у бояр останутся и которые будут у целовальников, руки свои прикладывают, чтобы было брежно и тех бы дел не передельвати и не переписывати. Да те судебные списки держати дьяком у себя в ларце за боярскими печатями по цареву судебнику...”¹⁷. Особенно показательна в данном случае прямая ссылка на царский Судебник, подтверждающая перенесение порядка осуществления светского суда на церковный. Важным обстоятельством является также то, что хранение судебного списка возлагается на представителей земского самоуправления, аналогично порядку, установленному в Судебнике. На близость рассмотренных положений Стоглава царскому Судебнику указывал уже И. Беляев: “Распоряжение чрезвычайно любопытное, ибо в нем видим, как церковь близка была по духу своей администрации к общему духу администрации того времени”¹⁸.

Таким образом, Стоглав устанавливал иерархическую систему видов доказывания. К рациональным способам доказывания относились поличное, показания свидетелей и письменные документы. Поличное представляло собой имущество, обнаруженное у подозреваемого “за замком”, т.е. в закрытом помещении. Его обнаружение позволяло сразу переходить к процедуре обыска. Наиболее распространенным видом доказывания являлось обращение к показаниям свидетелей. Стоглав упоминает две категории свидетелей - собственно свидетели и свидетели-послухи. Первые - являлись свидетелями в узком смысле слова и призывались к суду для разъяснения обстоятельств дела. Вторые - призывались для свидетельствования о репутации сторон, являясь аналогом послухов Русской Правды. Значение письменных доказательств в рассматриваемый период возрастало, что было связано с

установлением письменного характера судебного процесса.

В том случае, если рациональные способы доказывания не позволяли разрешить дело, церковный суд должен был обратиться к иррациональным, т.е. к разновидностям божьего суда. Стоглав запрещает использование крестного целования и судебного поединка, указывая, что даже светский суд не может привлекать духовных лиц к этим способам доказывания. Вместо них Стоглав предлагает использовать жребий.

¹ Стоглав // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 340.

² Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 120.

³ Стоглав. С. 340.

⁴ *Оспенников Ю.В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв.: монография. 2-е изд. М., 2011. С. 385-386.

⁵ Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. № 33. С. 276.

⁶ Стоглав. С. 340-341.

⁷ См. подробнее: *Оспенников Ю.В.* Жребий в русском праве в X-XV вв. // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 3 (48). С. 122-127.

⁸ Стоглав. С. 341.

⁹ См.: *Хачатуров Р.Л.* Русская Правда. Тольятти, 2002. С. 140; *Ананьева Н.Г.* Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1550 года. Тольятти, 2011. С. 129; и др.

¹⁰ Жалованная несудимая грамота Чухломскому Покровскому монастырю // Акты исторические. Т.1. СПб., 1841. № 125. С. 184.

¹¹ Судебник. С. 106.

¹² *Ананьева Н.Г.* Указ. соч. С. 130-131.

¹³ Уставная грамота дворянских Афанасьевского и Васильевского сел с деревнями крестьянам 28 февраля 1554 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т.1. СПб., 1836. № 240; и др.

¹⁴ Жалованная несудимая грамота Чухломскому Покровскому монастырю // Акты исторические. Т.1. СПб., 1841. № 125. С. 184.

¹⁵ Стоглав. С. 341.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 342.

¹⁸ *Беляев И.В.* Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. М., 1858. Ч. IV. С. 25-26.

Поступила в редакцию 06.01.2013 г.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПО ДОГОВОРАМ ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ)

© 2013 М.Я. Шиминова

доктор юридических наук, профессор

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО - Университет) Министерства иностранных дел России

E-mail: elena-mikhaylovna@yandex.ru

Рассматриваются вопросы возмещения убытков по договорам имущественного страхования, представляющие теоретическую значимость и наиболее часто встречающиеся в судебно-арбитражной практике, в том числе интерес как объект и необходимая предпосылка действительности страхового договора, определение страховой суммы, правовые последствия несообщения обстоятельств.

Ключевые слова: договор имущественного страхования, возмещение убытков, существенные условия договора страхования, неустойка в страховании, недействительность страхового договора.

Согласно ст. 929 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю)) причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

По данному договору может быть застраховано три вида имущественных интересов, в том числе риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества (ст. 930 ГК РФ); риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а в случаях, предусмотренных законом, также ответственность по договорам (риск гражданской ответственности) (ст. 931, 932 ГК РФ) и риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов (предпринимательский риск) (ст. 93 ГК РФ).

Страховая доктрина относит интерес к основополагающим, фундаментальным категориям

страхового права, поскольку именно он определяет саму сущность страхования как отношений по защите имущественных прав физических и юридических лиц при наступлении неблагоприятных имущественных последствий. Однако законодательной дефиниции по этому вопросу нет, что, с одной стороны, неизменно порождает дискуссии и традиционные попытки специалистов разработать понятие страхового интереса, а с другой стороны, создает определенные сложности и трудности в правоприменительной деятельности.

Спектр мнений по вопросу о том, что следует понимать под страховым интересом, довольно разнообразен. Нередко он определяется как убыток, угрожающий страхователю от наступления страхового случая. Рассуждения на этот счет сводятся к следующему. Коль скоро убытки могут выражаться либо в лишении или уменьшении имущественного вреда, уже имеющегося в наличии или создаваемого, либо в возникновении новой имущественной страховой обязанности, то имущественное право, которое страхователь имеет в виду сохранить или которое он должен приобрести, либо та имущественная обязанность, возникновение которой он хотел бы избежать, и являются страховым интересом. Но поскольку имущество, провозглашаемое объектом страхования, юридически представляет собой не что иное, как те же самые права и обязанности, в сохранении или, соответственно, ненаступлении которых заинтересован страхователь, постольку страховой интерес может рассматриваться как объект страховой охраны¹.

В.К. Граве и Л.А. Лунц полагали, что объектом страхования, точнее объектом страховой охраны, являются имущество и люди, а страховой интерес выполняет роль юридического факта, необходимого для возникновения и существования страхового правоотношения².

Последовательным приверженцем концепции признания объектом страхового обязательства интереса являлся В.И. Серебровский, который утверждал, что страхуется не та или иная материальная вещь, а все то, с чем у страхователя связан имущественный интерес³. Подобная точка зрения поддерживается и современными авторами⁴.

Исторически неоднозначно было отношение к признанию универсальности страхового интереса в страховых обязательствах. Так, в частности, предметом (объектом) имущественного страхования страховой интерес признавался, в то время как объектом личного страхования считалась страховая сумма. Первая точка зрения обосновывалась ссылкой на ряд статей ГК РСФСР 1922 г. (ст. 371, 372, 380). Однако такой подход разделялся не всеми учеными. Так, В.К. Райхер, анализируя нормы первого гражданского кодекса, обращал внимание на терминологическую неустойчивость законодателя по рассматриваемому вопросу и приходил к выводу о том, что признание страхового интереса предметом страхования не столь бесспорно, поскольку статьи Гражданского кодекса, рассматривающие застрахованный интерес, уравниваются нормами, оперирующими понятием застрахованного имущества (ст. 384, 387, 388).

Особое значение для обсуждаемого вопроса имеет Кодекс торгового мореплавания РФ (КТМ РФ), содержащий (как, впрочем, и ранее действовавший Кодекс торгового мореплавания СССР) гл. 15, регулиующую договор морского страхования. Согласно ст. 249 КТМ РФ, посвященной объекту морского страхования, в качестве последнего может быть “всякий имущественный интерес”, связанный с торговым мореплаванием. Однако дефиниции определения самого имущественного интереса в указанной статье не содержится. Законодатель прибегнул к весьма абстрактной и неопределенной характеристике объекта морского страхования как “всякого интереса”, а в качестве примеров имущественных интересов, не избежав дуализма, привел хотя и довольно обширный, но исчерпывающий их перечень.

На наш взгляд, анализ ст. 249 КТМ, с одной стороны, позволяет однозначно утверждать, что объектом морского страхования признается имущественный интерес, но, с другой стороны, сам такой интерес представлен в ней в виде конгломерата весьма разных по своей сущности категорий и понятий: от конкретных материальных объектов (судно, строящееся судно, груз), а также имущественных прав и обязанностей (оплата за проезд пассажира, за пользование судном, ожидаемая прибыль) до ответственности судовладельца и принятых страховщиком рисков.

В философской науке интерес связывается, как правило, с потребностью, которая в самом общем виде означает определенную нужду субъекта. В этом своем качестве потребность выступает как причина деятельности. Полагаем, можно согласиться с суждением о том, что потребность и интерес, рассматриваются чаще вместе, чем по отдельности, что свидетельствует о глубоком родстве и определенной однородности этих категорий. При этом если потребность ориентирована прежде всего на предмет ее удовлетворения, то интерес направлен на те социальные отношения, институты, учреждения, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей. Таким образом, интерес в страховании состоит в обеспечении возможной потребности.

В имущественном страховании потребность состоит в получении денежных средств для восполнения, возмещения возможных материальных потерь, вызванных различного рода негативными факторами. Однако потребность в удовлетворении имущественных, материальных, денежных потребностей, возникающих в результате определенных нормативно установленных или предусмотренных договором событий, присуща не только имущественному, но и личному страхованию. Следовательно, страховой интерес не ограничен только сферой имущественного страхования⁵, а действует и в личном страховании, хотя и с некоторым, вполне понятным отличием, как и действие соотносительной с ним категории имущественной потребности⁶.

Именно данный отличительный признак страхования, как правильно в свое время заметил В.И. Серебровский⁷, и позволяет во многих случаях отличить страхование от алеаторных сделок, имеющих своей исключительной целью обо-

гащение в зависимости от простого случая. И в личном, и в имущественном страховании интерес сохраняет свое значение как подлинное основание страховой сделки, является предпосылкой страхового обязательства, ибо если бы этого не было, договор личного страхования утратил бы реальное жизненное содержание, превратился бы, по выражению К.К. Яичкова, в страховую игру⁸.

Страхование как экономическая категория представляет собой механизм, основанный на принципе распределения (разложения) убытка, причиненного одному лицу, между множеством других. Экономические отношения опосредствуют перераспределительные процессы в отношении как финансовых, так и нефинансовых активов, реализуя как публичные, так и частные интересы субъектов экономической деятельности⁹, что в полной мере, на наш взгляд, относится и к страхованию.

Самому обстоятельному в истории России регулированию подверглись страховые отношения в действующем с 1995 г. Гражданском кодексе РФ, который содержит ряд статей, прямо посвященных и развивающих положения о страховом интересе. В нем, в частности, содержится указание на интересы, не подлежащие страховой защите. Так, согласно ст. 928 ГК РФ, не допускается страхование противоправных интересов, а кроме того, убытков от участия в играх, лотереях и пари, а также расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников (ст. 928 ГК РФ).

Квалификация страхового интереса в качестве противоправного нередко вызывает трудности на практике. Характерно в этом отношении следующее арбитражное дело, по которому получила отражение позиция Президиума ВАС РФ в Информационном письме от 28 ноября 2003 г. № 75 “Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования”¹⁰. Организация обратилась в арбитражный суд с иском к страховщику о выплате страхового возмещения в связи с угоном застрахованного транспортного средства. Между сторонами был заключен договор страхования автомобиля, собственником которого являлась организация-страхователь. При наступлении страхового случая (угона автомобиля) страховщик в выплате страхового возмещения отказал, поскольку застрахованный автомобиль находился на территории России в режиме временного ввоза, срок которого к

моменту заключения договора страхования истек и не подлежал продлению, а против страхователя возбуждено дело о нарушении таможенных правил. В отзыве на иск страховщик ссылался на противоправность застрахованного интереса и недействительность договора страхования, указывая, что в соответствии с п. 1 ст. 928 ГК РФ противоправные интересы страхованию не подлежат. Суд отклонил доводы ответчика и удовлетворил иск по следующим основаниям.

Истец является собственником автомобиля и заинтересован в сохранении своей собственности. Его интерес основан на законе, следовательно, требования п. 1 ст. 230 ГК РФ “Страхование имущества” при заключении договора страхования сторонами соблюдены. В рассматриваемом случае нарушение таможенных правил, допущенных истцом, порождает публично-правовые последствия. Применение административных санкций в отношении собственника само по себе не может служить основанием квалификации характера его интереса как противоправного. При таких обстоятельствах арбитражный суд признал, что страхователь, право собственности которого на застрахованное имущество в установленном порядке ни на момент заключения страхового договора, ни на момент рассмотрения спора не было прекращено, имеет интерес в сохранении этого имущества. Таким образом, интерес собственника в сохранении имущества не может быть квалифицирован как противоправный исключительно на основании того, что застрахованное имущество в момент заключения договора находилось на территории России с нарушением таможенных правил.

В действующем законодательстве и правовой доктрине термин “интерес” употребляется в двух значениях, а именно как объект страхования (ст. 4 Закона об организации страхового дела) и как основанный на законе (или ином правовом акте либо договоре) интерес в сохранении имущества, т.е. как необходимая предпосылка действительности договора страхования имущества (ч. 1 ст. 942 ГК РФ).

Договор страхования имущества, заключенный при отсутствии у страхователя или выгодоприобретателя интереса в сохранении застрахованного имущества, недействителен (ч. 2 ст. 930 ГК РФ). При возникновении спора о действительности договора страхования имущества в связи с отсутствием интереса у лица, в пользу которого

го заключен договор, обязанность доказывать отсутствие такого интереса лежит на лице, предъявившем требование. На это обстоятельство специально обращено внимание в указанном Информационном письме Президиума ВАС РФ¹¹. Суть спора состояла в следующем. Страховая организация обратилась в арбитражный суд с иском о признании недействительным договора страхования имущества (автомобиля) в связи с отсутствием интереса в его сохранении у страхователя, заключившего договор в свою пользу. При рассмотрении спора истец заявил, что в соответствии со ст. 930 ГК РФ интерес в сохранении имущества должен быть основан на законе, ином правовом акте или договоре. Страхователь не является собственником автомобиля, и им не представлен договор, на котором основан его интерес в сохранении застрахованного объекта, поэтому он должен быть признан недействительным.

Возражая против иска, ответчик указал, что согласно п. 12 ст. 65 АПК РФ 2002 г. каждый должен доказывать обстоятельства, на которые он ссылается в обоснование своих требований, поэтому истец, ссылающийся на отсутствие интереса у ответчика, должен доказать его отсутствие.

Суд согласился с доводами ответчика, указав, что обязанность проверять наличие и характер страхуемого интереса при заключении договора лежит на страховщике, а последний не обосновал свои требования и не доказал, что при заключении договора страхования у страхователя отсутствовал интерес в сохранении застрахованного автомобиля. В удовлетворении иска страховой компании было отказано.

Собственник как лицо, обладающее наиболее полным абсолютным правом на принадлежащее ему имущество, всегда имеет основанный на законе интерес в его сохранении. Теоретическое и практическое значение имеет вопрос о признании наличия интереса и возможности страхования имущества лицом, не являющимся собственником, а владеющим и пользующимся имуществом на другом правовом титуле. В литературе высказано мнение, отрицающее наличие интереса в сохранении имущества у арендатора или хранителя¹².

Более обоснованной и отвечающей интересам страхователей по данному вопросу представляется позиция Президиума ВАС РФ¹³, указав-

шего, что договор страхования имущества может быть заключен в пользу лица, имеющего в сохранении этого имущества интерес, основанный на договоре безвозмездного пользования имуществом.

Гражданин, застраховавший автомобиль от угона в свою пользу, обратился в арбитражный суд с иском к страховщику о выплате страхового возмещения в связи с наступлением страхового случая. Возражая против иска, страховщик ссылался на то, что страхователь получил автомобиль от собственника по договору безвозмездного пользования, поэтому и риск утраты застрахованного объекта несет собственник. Угон автомобиля затрагивает интересы только собственника, а не страхователя, поэтому последний не мог страховать транспортное средство от угона в свою пользу, а значит, договор страхования недействителен в соответствии с п. 2 ст. 930 ГК РФ.

Суд первой инстанции согласился с доводами страховщика и в иске отказал, посчитав, что поскольку убытки возникли у собственника, следовательно, угоном затрагиваются права и интересы последнего, а не истца. Убытки страхователя обусловлены тем, что по договору ссуды он несет ответственность за утрату или повреждение полученного автомобиля. Такие убытки не подлежат возмещению по договору страхования имущества, так как, согласно ст. 929, 932 ГК РФ, интерес, связанный с возможной ответственностью страхователя за нарушение договора (риск ответственности по договору), страхуется по договору страхования риска гражданской ответственности. Собственные убытки страхователя, возникшие вследствие невозможности использовать имущество по назначению, могли быть возмещены при наличии договора страхования предпринимательского риска.

Суд апелляционной инстанции отменил решение и удовлетворил иск по следующим основаниям. Страхователь получил автомобиль в пользование как ссудополучатель и, согласно п. 1 ст. 689 ГК РФ, регулирующему договор безвозмездного пользования, должен вернуть полученную вещь с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором. Ссудополучатель заинтересован в сохранности автомобиля для последующего возврата. Данный риск мог быть застрахован в качестве риска ответственности по договору. Вместе с тем ссудополуча-

тель заинтересован в сохранении имущества для себя. Такой интерес состоит в выгоде, которую ссудополучатель имеет от предотвращения убытков, которые он несет в случае невозможности использовать застрахованное имущество. Этот интерес ссудополучателя позволяет допустить возможность страхования автомобиля в свою пользу. Соответствующий интерес страхователя основан на договоре ссуды, заключенном с его собственником. Поэтому ссудополучатель вправе в силу ст. 930 ГК РФ застраховать полученный по договору автомобиль на случай угона в свою пользу и при наступлении страхового случая получить страховое возмещение в пределах тех убытков, которые он как наниматель понес в связи с невозможностью использовать автомобиль. Оценка риска и характера застрахованного интереса производилась страховщиком при заключении договора. С учетом этого оснований для признания договора страхования недействительным не имелось. Поскольку размер причиненных истцу убытков подтверждался материалами дела, исковые требования подлежат удовлетворению. С такой позицией апелляционной инстанции нельзя не согласиться.

Такую же позицию занял Арбитражный суд г. Москвы, рассмотрев дело по иску ООО «Нерехта-Лизинг» к ООО Страховое общество «Геополис» с привлечением в качестве третьего лица ООО «Зимний лес» о взыскании суммы страхового возмещения по договору страхования автотранспортных средств. Истец в обоснование иска ссылался на то, что между ним и третьим лицом был заключен договор финансовой аренды (лизинга), согласно которому автомобиль КАМАЗ был передан третьему лицу в финансовую аренду. Он указал также, что между ним и ответчиком был заключен договор добровольного страхования автомобиля КАМАЗ путем выдачи полиса страхования.

В результате разбойного нападения автомобиль КАМАЗ был похищен, о чем ответчик был поставлен своевременно в известность. Страховая компания, возражая против иска, ссылалась на то, что у истца отсутствует имущественный интерес в сохранности застрахованного имущества, поскольку, согласно п. 2.5 договора лизинга, полную ответственность за все риски, связанные с автомобилем КАМАЗ, несет лизингополучатель - третье лицо. Выслушав доводы сторон и оценив все доказательства, суд указал, что инте-

рес в сохранности имущества означает не любой интерес, связанный с тем, что это имущество не было утрачено или повреждено, а только интерес того лица, который несет риск утраты или повреждения этого имущества. Ответчик не доказал отсутствие интереса истца в сохранении застрахованного имущества. Исходя из этого, суд удовлетворил исковые требования, взыскав с ответчика заявленную сумму страхового возмещения.

Основанием возникновения обязанности страховщика по выплате страхового возмещения является наступление страхового случая. Страховым случаем выступает совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, обладающее признаками вероятности и случайности его наступления (ст. 9 Закона об организации страхового дела).

При рассмотрении вопроса о том, обладало ли событие, на случай наступления которого производилось страхование, признаком случайности, суд должен принимать во внимание характер страхового случая и наличие у страхователя информации об указанном событии. Страховщик обратился в арбитражный суд с иском к страхователю о признании недействительным заключенного между ними договора страхования. По мнению страховщика, страхователь знал о наступлении страхового случая уже при заключении договора страхования.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен. При этом указывалось, что между страхователем и страховщиком в мае заключен договор страхования урожая сахарной свеклы на случай недобора в этом же году. Обратившись за выплатой страхового возмещения, страхователь представил акт от ноября о недоборе урожая вследствие его гибели от засухи, имевшей место с апреля по июнь текущего года. В силу п. 1 ст. 9 Закона об организации страхового дела событие, на случай наступления которого производилось страхование, должно обладать признаком случайности, т.е. страхователь должен находиться в добросовестном неведении относительно наступления этого события.

Между тем в данной ситуации при заключении договора страхования страховой случай, которым суд посчитал имевшую место засуху, уже наступил, о чем страхователь не мог не знать, поскольку в акте недобора урожая указано, что засуха, в результате которой погиб урожай, началась с апреля. Суд признал договор ничтожным

в связи с его несоответствием требованиям законодательства.

Суд кассационной инстанции решение отменил и в иске отказал, правомерно руководствуясь следующим. Согласно п. 2 ст. 9 Закона об организации страхового дела страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату. Страховой случай представляет собой совокупность юридических фактов. Событие, на случай наступления которого производилось страхование, включает в себя не только опасность, от последствий которой заключается страхование. В рассматриваемом случае арбитражным судом ошибочно страховым случаем признана засуха, являющаяся лишь опасностью. Страхование же производилось на случай недобора урожая вследствие различных причин, в том числе засухи. Доказательства того, что засуха причинила вред урожаю до заключения договора страхования и что страхователь знал или должен был об этом знать, страховщик не представил. Объективно вред (недобор свеклы) был выявлен в ноябре, о чем страхователь в мае не знал и не мог знать.

При таких обстоятельствах вывод суда о недействительности заключенного между сторонами договора со ссылкой на отсутствие признака случайности у события, на случай наступления которого производилось страхование, необоснован.

Нередко наличие или отсутствие факта страхового случая является предметом спора. Так, мировой судья одного из участков Тверского района г. Москвы своим решением удовлетворил иски о взыскании страховой суммы от страховой компании ОАО «ГСК «Югория»» о взыскании страхового возмещения в размере 48 609 руб. Из материалов дела усматривалось, что в период действия договора страхования неизвестным лицом застрахованному автомобилю были нанесены повреждения.

В своем решении суд указал, что доводы ответчика о том, что истец обратился в органы МВД не с целью привлечения виновных лиц к ответственности, лишает ответчика возможности признать случай страховым, так как сведений, подтверждающих наступление страхового случая, не имеется и причина образования повреждения застрахованного автомобиля не установлена, суд считает несостоятельными, поскольку

из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следует, что факт повреждения транспортного средства, а также факт причинения материального ущерба установлен, однако расценен как незначительный, и в возбуждении уголовного дела отказано в связи с отсутствием объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ.

Кроме того, суд акцентирует внимание на том, что в соответствии с п. 3.1.1 Правил добровольного комплексного страхования автотранспортных средств ОАО «ГСК «Югория»» повреждение автомобиля в результате противоправных действий третьих лиц отнесено к страховым случаям. Таким образом, отказ ответчика в выплате по произошедшему страховому случаю суд счел необоснованным. Судьей Тверского районного суда данное решение было оставлено без изменения, а апелляционная жалоба без удовлетворения.

Гражданский кодекс содержит императивную норму относительно необходимости письменной формы договора страхования. Несоблюдение этого требования влечет недействительность договора, за исключением договора обязательного государственного страхования (ст. 940 ГК РФ). Действующее гражданское законодательство предусматривает две разновидности письменной формы договора, а именно: путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору (п. 2 ст. 434 ГК РФ). В договоре страхования соблюдение требования о надлежащей форме возможно в обеих разновидностях, при этом применительно ко второй указывается, что договор может быть заключен путем вручения страховщиком страхователю на основании его письменного или устного заявления страхового полиса (свидетельства, сертификата, квитанции), подписанного страховщиком. В последнем случае согласие страхователя заключить договор на предложенных страховщиком условиях подтверждается, согласно п. 2 ст. 940 ГК РФ, принятием от страховщика страхового полиса.

В том случае, если договор страхования заключен в соответствии с п. 2 ст. 940 ГК РФ, для установления существования договора должны приниматься во внимание как содержание полиса, так

и заявления страхователя, что не всегда учитывается сторонами обязательства, подтверждением чего служит следующий судебный спор. Организация застраховала транспортное средство на случай его повреждения в период эксплуатации. Договор был заключен путем выдачи страхователю страхового полиса на основании его письменного заявления, в котором в графе “лица, допущенные к управлению автомобилем” страхователь указал “сотрудники страхователя”. В полисе соответствующая графа не была предусмотрена, но были указаны номер и дата заявления страхователя, на основании которого он выдан. В связи с повреждением автомобиля при дорожно-транспортном происшествии страхователь обратился к страховой компании за выплатой возмещения. Страховщик в выплате отказал, так как установил, что при данном происшествии автомобилем управляло лицо, не состоящее со страхователем ни в подрядных, ни в трудовых отношениях.

Страхователь обратился в суд с иском к страховой компании, указав, что условие о лицах, допущенных к управлению автомобилем, не является условием договора страхования, так как отсутствует в полисе. Заявление, в котором имеется это условие, не может рассматриваться как документ, содержащий условия договора страхования.

Суд отказал в иске по следующим основаниям: в Правилах страхования, врученных истцу при заключении договора страхования, указано, что повреждение автомобиля при его управлении лицом, не указанным в договоре, не является страховым случаем. При заключении страхового договора страховщик предложил страхователю заполнить стандартный бланк заявления на страхование, в котором содержалась соответствующая графа. Таким образом, указание лиц, допущенных к управлению автомобилем, выступает в силу п. 1 ст. 432 ГК РФ существенным условием договора, поскольку о необходимости его согласования при заключении договора заявил страховщик. Кроме того, такое условие является элементом описания страхового случая, и в силу этого также рассматривается как существенное условие договора страхования (п. 1 ст. 942 ГК РФ), содержащееся в письменном заявлении, послужившем основанием для выдачи страхового полиса. Следовательно, спорное условие было согласовано сторонами в надлежащей форме.

Одной из обязанностей страхователя является сообщение страховщику известных ему обстоятельств, имеющих существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику.

Существенными признаются во всяком случае обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или в его письменном запросе. Если договор страхования заключен при отсутствии ответов страхователя на какие-либо вопросы страховщика, последний не может впоследствии требовать расторжения договора страхования либо признания его недействительным на том основании, что соответствующие обстоятельства не были сообщены страхователем.

Однако иные последствия предусматривает закон (п. 3 ст. 944 ГК РФ), если после заключения договора будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая. При таких обстоятельствах страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана. Так, страхователь обратился в арбитражный суд с иском к страховщику о выплате страхового возмещения в связи с кражей застрахованного имущества.

Страховщик предъявил страхователю встречный иск о признании договора недействительным, так как страхователь сообщил заведомо ложные сведения об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения степени риска. А именно, он указал в стандартном заявлении на страхование, что имущество сдано под круглосуточную сторожевую охрану, а материалами уголовного дела по факту его кражи установлено, что ночью охрана не осуществлялась. Возражая против встречного иска, страхователь ссылаясь на то, что на основании его заявления между сторонами заключен страховой договор, подписанный обеими сторонами и содержащий все его существенные условия, в котором нет сведений о наличии на объекте круглосуточной

сторожевой охраны. Страховой полис ему не выдавался, так как стороны воспользовались правом заключить договор страхования путем составления одного документа. Поэтому сведения, содержащиеся в заявлении, не имеют юридического значения. Кроме того, в действиях страхователя отсутствовали признаки обмана, поскольку охрана объекта по объективным причинам отсутствовала только в ночь совершения кражи.

Суд первой инстанции в иске о выплате страхового возмещения отказал, а встречный иск удовлетворил, признав договор страхования недействительным как сделку, совершенную под влиянием обмана. При этом суд руководствовался следующим. Исходя из п. 1 ст. 944 ГК РФ при заключении договора страхователь обязан сообщить страховщику известные ему обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от наступления страхового случая, если они не были и не должны были быть известны страховщику. Существенными во всех случаях признаются обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или в его письменном запросе. Разработанный страховщиком стандартный бланк заявления на страхование применительно к правилам ст. 944 ГК РФ имеет такое же значение, как и письменный запрос. Следовательно, сведения в заявлении о наличии или отсутствии охраны страхуемого объекта являются существенными обстоятельствами.

Как установил суд, страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения, а, согласно п. 1 ст. 179 ГК РФ, это является основанием для оспаривания договора как сделки, совершенной под влиянием обмана. Из материалов уголовного дела следовало, что охрана объекта в ночное время на момент заключения договора и после его заключения страхователем организована не была. Об отсутствии круглосуточной охраны в период действия страхового договора страховщик не знал и не мог знать, хотя и воспользовался правом на осмотр страхуемого помещения. Президиум ВАС РФ определил свою позицию по данному вопросу в Информационном письме № 75, обратив внимание судов на то, что обстоятельства, оговоренные в стандартном заявлении на страхование, разработанном страховщиком, признаются существенными для целей

применения ст. 944 ГК РФ и в том случае, когда договор страхования заключен путем составления одного документа.

Вместе с тем, следует заметить, что Президиум ВАС РФ по конкретному арбитражному спору пришел к выводу о том, что умолчание об известных страхователю обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения степени риска, которые не были оговорены страховщиком в стандартной форме договора страхования или в его письменном запросе, не является основанием для признания страхового договора недействительным. Так, страховщик обратился в арбитражный суд с иском к страхователю о признании на основании ст. 179 ГК РФ недействительным заключенного между ними договора страхования как сделки, совершенной под влиянием обмана. В обоснование иска страховщик указал, что страхователь умышленно не сообщил ему существенные сведения о степени риска, а именно о том, что в здании, где находилось застрахованное помещение, из-за изношенной электропроводки несколько раз в течение двух предшествующих лет были возгорания, а один раз - пожар. Эти обстоятельства были известны собственнику здания и всем владельцам помещений, а страховщик об этом не знал и не мог знать.

Возражая против иска, страхователь ссылался на то, что в стандартном бланке заявления о страховании имущества вопросов о состоянии электропроводки не имелось. На все вопросы, содержащиеся в бланке заявления, он дал правдивые ответы. Решением суда в удовлетворении иска отказано по следующим основаниям. Между сторонами был заключен договор добровольного страхования помещения, в том числе на случай пожара, посредством выдачи страхователю полиса на основании его заявления. В период действия договора в застрахованном объекте произошел пожар. В результате расследования, проведенного по факту возгорания, было установлено, что пожар возник из-за неисправности электропроводки. В стандартном бланке заявления не содержалось вопросов о состоянии электропроводки в здании.

Страхователь сообщил страховщику известные ему сведения, отвечая на конкретные вопросы, содержащиеся в стандартном бланке заявления. Соответствие этих сведений действительности страховщик не оспаривал. В случае недостаточности сообщенных страхователем суще-

ственных обстоятельств либо сомнений в их достоверности страховщик мог сделать письменный запрос в адрес страхователя для их конкретизации. Однако страховщик такой запрос не направлял и не воспользовался своим правом проверить состояние страхуемого имущества, а также достаточность предоставленных страхователем сведений.

Поскольку страховщик как лицо, осуществляющее профессиональную деятельность на рынке страховых услуг и вследствие этого являющееся более сведущим в определении факторов риска, не выяснил обстоятельства, влияющие на степень риска, а страхователь не сообщил страховщику заведомо ложные сведения о застрахованном имуществе, то страховая организация, согласно п. 2 ст. 944 ГК РФ, не может требовать признания недействительным договора страхования как сделки, совершенной под влиянием обмана.

Важной обязанностью страхователя является своевременное уведомление своего контрагента по договору о наступлении страхового случая. Согласно ст. 961 ГК РФ страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в срок и способом, предусмотренным соглашением сторон. Неисполнение такой обязанности дает страховщику право отказать в выплате страхового возмещения (п. 2 ст. 961 ГК РФ).

С учетом сказанного интерес представляет судебное решение мирового судьи одного из судебных участков района “Якиманка” г. Москвы, удовлетворившего иски требования гр. Б. к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения. Ответчик просил отказать в иске, ссылаясь на то, что страхователь не исполнил надлежаще свою обязанность и не уведомил страховщика о произошедшем страховом случае в установленный семидневный срок с даты страхового события, обратившись с таким заявлением только через девять дней.

Истец настаивал на удовлетворении своих требований и ошибочности позиции ответчика. Он утверждал, что заявил о произошедшем страховом событии в установленный договором срок путем телефонного звонка в адрес страховщика,

в доказательство чего истец представил распечатку звонков со своего телефона. Суд согласился с мнением истца и удовлетворил заявленные гр. Б. требования, поскольку в судебном заседании был доказан факт своевременного сообщения им ответчику о наступлении страхового случая в форме, которая не исключалась Правилами страхования средств автотранспорта ОСАО “Ресо-Гарантия”, на условиях которых был заключен договор.

Одним из существенных условий договора страхования является условие о страховой сумме (ст. 942 ГК РФ). Применительно к договору имущественного страхования сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение, определяется соглашением сторон. Однако в соответствии с п. 2 ст. 947 ГК РФ при страховании имущества, если договором не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать его действительную стоимость (страховую стоимость). Такой стоимостью считается действительная стоимость этого имущества в месте его нахождения в день заключения договора страхования. Указанная в договоре страховая сумма не может быть впоследствии оспорена, за исключением случая, когда страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска (п. 1 ст. 945 ГК РФ), был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости.

Гражданский кодекс предусматривает последствия нарушения указанного императивного требования, а именно: если страховая сумма, установленная в договоре страхования имущества, превышает страховую стоимость, договор является ничтожным в той части страховой суммы, которая превышает страховую стоимость. В реальной жизни страхователи не всегда следуют установленному порядку. Так, 19 января 2011 г. Пресненский районный суд г. Москвы в своем решении по гражданскому делу отказал в иске гр. Ш. к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения. Из материалов дела усматривалось, что между истцом и ответчиком был заключен договор добровольного страхования транспортного средства. В период действия договора произошел страховой случай: угон застрахованного автомобиля.

Ответчик во исполнение обязанности по договору страхования выплатил истцу сумму страхового возмещения в размере 600 000 руб. Ис-

тец не согласился с таким размером выплаты страхового возмещения и просил взыскать с ответчика еще 300 000 руб., поскольку имущество им утрачено, а полная страховая сумма автомобиля по страховому договору составляла 900 000 руб.

Для выяснения действительной стоимости транспортного средства гр. Ш. на момент страхования судом была назначена судебная экспертиза, результаты которой подтвердили расчеты ответчика о том, что действительная стоимость имущества на момент заключения договора страхования составляла 600 000 руб., а не 900 000 руб., как указывал истец.

Выслушав доводы сторон и оценив все доказательства, суд на основании п.1 ст. 951 отказал гр. Ш. в удовлетворении исковых требований к страховой компании. Коллегией по гражданским делам Мосгорсуда вынесенное решение было оставлено без изменения, а кассационная жалоба без удовлетворения.

В современных условиях важное значение имеет вопрос о ценах, по которым должен определяться причиненный страхователю ущерб. По общему правилу при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было - в день предъявления иска, если законом, иными правовыми актами или договором не предусмотрено иное (ст. 393 ГК РФ). Характерно в этом отношении следующее дело.

Страхователь обратился в арбитражный суд с иском к страховщику о взыскании недоплаченной суммы страхового возмещения. Страхователь полагал, что стоимость ремонта автомобиля в голландских гульденах должна быть перечислена в рубли по курсу Банка России на дату выплаты страхового возмещения.

Возражая против иска, страховщик ссылался на то, что в соответствии с договором страхования выплатил страховое возмещение полностью. При рассмотрении спора суд установил, что по договору страхования были застрахованы используемые при международных перевозках прицепы иностранного производства с определением страховой суммы в иностранной валюте и с указанием о ее выплате в рублях. В договоре имелось условие о том, что правила доброволь-

ного страхования транспортных средств, разработанные страховщиком, являются его неотъемлемой частью. На территории Польши один из застрахованных прицепов попал в аварию и был отремонтирован в Голландии. Оплата ремонта произведена в гульденах. Страховая компания выплатила страховое возмещение в рублях по курсу гульдена на дату заключения договора.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, страхователю было отказано в удовлетворении требования о доплате страхового возмещения по следующим основаниям.

Согласно правилам добровольного страхования транспортных средств, установленным страховщиком, автомобили иностранных марок принимаются на страхование по аналогу отечественного автомобиля. По условиям договора страхования сумма ущерба определяется по ценам на запчасти, детали и работы, действовавшим на день заключения договора страхования. Поскольку из содержания договора видно, что стороны допускали возможность наступления страховых случаев и ремонта застрахованного имущества вне территории Российской Федерации с выплатой страхового возмещения в рублях, то соответствующее условие договора о порядке определения суммы ущерба должно распространяться и на случаи пересчета в рубли затрат, выраженных в иностранной валюте.

В соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте. В таком случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу иностранной валюты на дату платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены соглашением сторон.

Суд признал, что условие договора страхования об определении стоимости работ по ценам на день его заключения позволяет сделать вывод о согласовании сторонами даты, на которую производится определение суммы в рублях. Страховщик рассчитал и выплатил страхователю страховое возмещение с учетом изложенных правил. Следовательно, решение судебных инстанций об отказе в удовлетворении иска страхователя правомерно.

Одним из основополагающих принципов гражданского законодательства является прин-

цип надлежащего исполнения обязательств, закрепленный в ст. 309 ГК РФ, согласно которой обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии условий и требований - в соответствии с обычаями делового оборота или иными, обычно предъявляемыми требованиями.

Целям побуждения участников гражданских правоотношений к надлежащему их исполнению служит такой правовой институт, как обеспечение исполнения обязательств (гл. 23 ГК РФ). Он представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих конкретные способы обеспечения исполнения обязательств, которые, имея общую направленность, по-разному влияют на действующих ненадлежащим образом участников гражданского оборота.

Первым из предусмотренных Гражданским кодексом РФ способов обеспечения исполнения обязательств является неустойка - определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения (ст. 330 ГК РФ). Обеспечительная функция неустойки заключается в том, что она выступает дополнительной санкцией за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства, помимо общей санкции в форме возмещения убытков (ст. 393 ГК РФ). По основанию возникновения неустойка может быть законной, когда она установлена законом, или договорной, если она определена соглашением сторон.

В страховых отношениях законная неустойка предусматривалась Законом РФ "О страховании" от 27 ноября 1992 г., содержащим норму, согласно которой, если страховая выплата не произведена в установленный срок, страховщик уплачивает страхователю штраф в размере 1 % от суммы страховой выплаты за каждый день просрочки (п. "в" ст. 17). Однако в 1997 г. гл. II "Договор страхования" была исключена из указанного закона, а поскольку действующий ГК РФ подобной нормы не содержит, постольку неустойка за просрочку исполнения страхового обязательства (за некоторым исключением)¹⁴ носит добровольный характер.

В правоприменительной деятельности удовлетворение требований о взыскании неустойки нередко обосновывается ссылкой на ст. 395 ГК

РФ, согласно которой за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств. Размер процентов определяется существующей в месте жительства кредитора, а если кредитором является юридическое лицо - в месте его нахождения учетной ставкой банковского процента на день исполнения денежного обязательства. Так, Останкинский районный народный суд г. Москвы удовлетворил иски требования гр. М. к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения в размере 428 402 руб. и взыскании неустойки в размере 6545 руб. В силу подписанного между истцом и ответчиком соглашения последний обязался выплатить указанную сумму в установленный срок. Однако ответчик свое обязательство не выполнил и истец был вынужден обратиться в суд.

Суд взыскал с ответчика в пользу страхователя страховое возмещение в размере 428 402 руб. и удовлетворил исковое требование о взыскании неустойки. В обоснование своего решения суд указал, что с момента невыполнения обязанности по выплате страхового возмещения и до дня подачи иска страховщик пользовался чужими денежными средствами, ввиду чего, согласно ст. 395 ГК РФ, должен выплатить истцу проценты за их пользование в размере 6545 руб. Расчет произведен согласно постановлению Пленумов ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 "О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами"¹⁵.

Действующее гражданское законодательство (ст. 963 ГК РФ) определяет правовые последствия наступления страхового случая по вине страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица. В качестве основания освобождения страховой организации от выплаты страхового возмещения или страховой суммы закон предусматривает вину указанных лиц в форме умысла (исключение допущено п. 3 указанной статьи по договорам личного страхования).

Освобождение страховщика от выполнения обязанности по выплате страхового возмещения в договорах имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприоб-

ретателя возможно только в случаях, предусмотренных законом.

Условие договоров (правил) имущественного страхования об отказе в выплате страхового возмещения вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя является ничтожным как противоречащее норме п. 1 ст. 963 ГК РФ, что не всегда учитывается страховыми компаниями. Характерно в этом отношении следующее арбитражное дело.

Строительный подрядчик, застраховавший свое имущество, находившееся на строительной площадке, обратился к страховщику с иском о возмещении убытков, вызванных необходимостью ремонта упавшего строительного крана. Страховщик отказал в выплате в связи с тем, что не наступил страховой случай, предусмотренный правилами страхования.

В процессе рассмотрения дела судом было установлено, что стороны заключили договор страхования механизмов страхователя, находящихся на строительной площадке, от строительного-монтажных рисков. Страхование производилось на основании правил страхования, врученных страхователю при заключении договора, по которым имущество считалось застрахованным и на случай выхода из строя или разрушения строительных машин и механизмов. Правила страхования предусматривали, что авария на строительной площадке, произошедшая из-за грубой неосторожности страхователя, не является страховым случаем, даже если в остальном соответствует всем признакам страхового случая, указанным в правилах. При расследовании обстоятельств падения крана было установлено, что неисправность, приведшая к падению крана, могла быть обнаружена при его освидетельствовании органом технадзора. Владелец не представил кран на освидетельствование перед установкой, хотя был обязан это сделать. Авария, таким образом, произошла вследствие грубой неосторожности страхователя.

Суд удовлетворил исковые требования страхователя, исходя из следующего. В соответствии с положениями абз. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя могут быть предусмотрены только законом. Условия договоров (пра-

вил) имущественного страхования об отказе в выплате страхового возмещения при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя (выгодоприобретателя) являются ничтожными, как противоречащие указанному положению Гражданского кодекса РФ (п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 75).

В условиях рыночной экономики, сопровождающейся увеличением различного рода рисков техногенного, криминогенного, природного, финансового и другого характера, возрастает значение страхования как универсального, экономичного и весьма действенного способа охраны интересов граждан, предпринимателей, а также юридических лиц путем возмещения убытков, причиненных в результате действия разнообразного рода неблагоприятных факторов.

С учетом сказанного чрезвычайно важное значение для повышения гарантий и эффективности средств защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, в том числе страховых отношений, приобретает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. №17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей". Согласно п. 1 указанного постановления при рассмотрении гражданских дел судам следует учитывать, что отношения, одной из сторон которых выступает гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а другой - организация либо индивидуальный предприниматель (изготовитель, исполнитель, продавец, импортер), осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг, являются отношениями, регулируемыми Гражданским кодексом РФ, Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 "О защите прав потребителей", другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в названном постановлении, Закон о защите прав потребителей распространяется и на отношения между гражданами и страховыми компаниями по договорам как личного, так и имуще-

ственного страхования. Следовательно, принципиально важные нормы этого Закона, предусматривающие ответственность за непредоставление информации, компенсацию морального вреда, законную штрафную неустойку за ненадлежащее исполнение обязательств, а также устанавливающие альтернативную подсудность и освобождение от госпошлины и др., будут применяться и в сфере страхования, что, несомненно, будет способствовать наиболее полной охране прав граждан, участвующих в такого рода отношениях.

¹ Мусин В.А. Сущность и предмет морского страхования по советскому и иностранному праву. Л., 1971. С. 32-33.

² Граве В.К., Лунц Л.А. Страхование. М., 1960. С. 42.

³ Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 372.

⁴ См.: Страхование право России / В.С. Белых, И.В. Кривошеев, И.А. Митричев. М., 2009. С. 128.

⁵ Так, К.А. Граве и Л.А. Лунц утверждали, что страховой интерес присущ только имущественному страхованию, поскольку при личном страховании денежная сумма подлежит выплате безотносительно к тому, связано ли наступление страхового случая с какими-либо убытками для страхователя или выгодоприобретателя или нет (см.: Граве В.К., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 56).

⁶ Шминова М.Я. Основы страхового права России. М., 1993. С. 31. Как следует из более поздних публикаций, суждение о наличии интереса в личном страховании можно считать общепризнанным (см.: Россий-

ское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / под ред. Е.А. Суханова. М., 2011. С. 846).

⁷ Серебровский В.И. Страховой интерес в Гражданском кодексе // Право и жизнь. 1924. № 2. С. 17.

⁸ Яичков К.К. Права, возникающие в связи с потерей здоровья. М., 1964. С. 16.

⁹ Ашмарина Е.М. Экономическое право как инновационная технология российской правовой науки // Вопросы экономики и права. 2011. № 4. С. 100.

¹⁰ Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования : информ. письмо Президиума ВАС РФ от 28 нояб. 2003 г. № 75 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 1. П. 5.

¹¹ Там же. П. 2.

¹² Фогельсон Ю. Страховой интерес при страховании имущества // Хозяйство и право. 1998. № 9. С. 100, 101.

¹³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28 нояб. 2003 г. № 75. П. 6.

¹⁴ См.: например: Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции : федер. закон от 28 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации., 1998. № 13. Ст. 1474.

¹⁵ Вестник ВАС РФ. 1998. № 11.

Поступила в редакцию 05.01.2013 г.

БЕЗОПАСНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

© 2013 О.Я. Зубанова

Саратовский государственный социально-экономический университет

E-mail: pubpravo@ssea.runnet.ru

Рассматриваются вопросы безопасности данных, содержащихся в информационных системах Пенсионного фонда Российской Федерации. В качестве основной информационной системы автор выделяет систему индивидуального (персонифицированного) учета. Определены основные направления повышения безопасности указанной системы.

Ключевые слова: Пенсионный фонд Российской Федерации, система индивидуального учета, информационная безопасность, персональные данные.

В настоящее время активно идут процессы информатизации различных сфер государственного и муниципального управления, разрабатываются и внедряются автоматизированные информационные системы в области административного планирования, учета и контроля, к которым относятся многочисленные системы персонального учета населения (например, Пенсионного фонда РФ).

Эффективность деятельности Пенсионного фонда Российской Федерации невозможна без развитой информационной инфраструктуры, поскольку несовершенство информационного обеспечения приводит к непроработанности принимаемых решений. При большом объеме поступающей в Пенсионный фонд РФ информации возникает необходимость в электронных средствах ее хранения и обработки. Скорость обработки данных имеет принципиальное значение для эффективности всей системы, в достижении которой играют важную роль и автоматизированные базы данных, и аналитические инструменты. Именно поэтому в 1995 г. была введена система персонифицированного учета, являющаяся базовым элементом в сложной информационной системе Пенсионного фонда РФ.

Пенсионный фонд России как оператор, осуществляющий обработку персональных данных, содержащихся в информационной системе Пенсионного фонда РФ, обеспечивает организацию и ведение данной информационной системы, в том числе с использованием автоматизированных программных средств, по категориям лиц в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, а также осуществляет контроль за деятельностью территориальных ор-

ганов Пенсионного фонда РФ по обработке персональных данных, содержащихся в информационной системе Пенсионного фонда РФ.

Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»¹ заложил основы формирования и развития огромной единой информационной базы Пенсионного фонда РФ, содержащей сведения обо всех застрахованных лицах - как ныне работающих, в том числе проживающих за рубежом, так и неработающих пенсионеров. Индивидуальный (персонифицированный) учет в системе обязательного пенсионного страхования представляет собой совокупность правоотношений по организации учета страховых и других обязательных платежей, совершаемых страхователями в отношении своих работников.

Указанный закон направлен на создание системы учета трудового вклада каждого гражданина при начислении и выплате пенсий. Кроме того, решается задача обеспечения достоверности сведений о стаже и заработке плательщиков, определяющих размер пенсии при ее назначении, а также развития заинтересованности застрахованных лиц в уплате страховых взносов в Пенсионный фонд РФ и создания условий для контроля за уплатой страховых взносов застрахованными лицами.

Целями индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования являются:

- создание условий для назначения трудовых пенсий в соответствии с результатами труда каждого застрахованного лица;

- обеспечение достоверности сведений о стаже и заработке (доходе), определяющих размер трудовой пенсии при ее назначении;

- создание информационной базы для реализации и совершенствования пенсионного законодательства Российской Федерации, а также для назначения трудовых пенсий на основе страхового стажа застрахованных лиц и их страховых взносов;

- развитие заинтересованности застрахованных лиц в уплате страховых взносов в Пенсионный фонд РФ;

- создание условий для контроля за уплатой страховых взносов застрахованными лицами;

- информационная поддержка прогнозирования расходов на выплату трудовых пенсий, определения тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, расчета макроэкономических показателей, касающихся обязательного пенсионного страхования;

- упрощение порядка и ускорение процедуры назначения трудовых пенсий застрахованным лицам.

В соответствии с действующим законодательством система индивидуального (персонифицированного) учета содержит персональные сведения застрахованного лица. Такая информация, содержащаяся в индивидуальных счетах в системе персонифицированного учета, является конфиденциальной, органы Пенсионного фонда РФ обязаны принимать все меры для ее защиты от несанкционированного доступа. Меры безопасности персональных данных Пенсионный фонд РФ обязан соблюдать при обработке в информационных системах персональных данных, представляющих собой совокупность персональных данных, содержащихся в базах данных, а также информационных технологий и технических средств, позволяющих осуществлять обработку таких персональных данных с использованием средств автоматизации. Особенную актуальность проблема безопасности информационных систем Пенсионного фонда РФ приобретает сегодня, поскольку внедрение в практику обработки сведений новых информационных технологий позволяет собирать, обобщать и разъяснять данные, накапливать их и передавать без ведома граждан.

Для указанных целей в информационной системе Пенсионного фонда РФ была разработана подсистема информационной безопасности, кото-

рая обеспечивает единую структуру идентификации и аутентификации, авторизацию доступа к ресурсам системы, целостность и защиту данных от несанкционированного доступа. Информационная безопасность (безопасность информации) - состояние информации, информационных ресурсов и информационных систем, при котором с требуемой вероятностью обеспечивается защита информации (данных) от утечки, хищения, утраты, несанкционированного уничтожения, искажения, модификации (подделки), копирования, блокирования и т.п.

Безопасность данных, содержащихся в информационной системе Пенсионного фонда РФ, достигается путем исключения несанкционированного доступа к таким данным, результатом которого может стать уничтожение, изменение, блокирование, копирование, распространение персональных данных, а также иных несанкционированных действий. При выявлении недостоверных персональных данных или неправомерных действий с ними оператора при обращении или по запросу субъекта персональных данных или его законного представителя либо уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных оператор обязан осуществить блокирование персональных данных, относящихся к соответствующему субъекту персональных данных, с момента такого обращения или получения такого запроса на период проверки.

Безопасность данных при их обработке в информационных системах обеспечивается с помощью средств защиты информации, к которым относятся шифровальные (криптографические) средства, средства предотвращения несанкционированного доступа, утечки информации по техническим каналам и т.д. Средства криптографической защиты информации - программно-аппаратные средства, осуществляющие криптографическое преобразование информации для обеспечения ее безопасности. В целях обеспечения защиты информации, предоставляемой в электронной форме в системе электронного документооборота Пенсионного фонда РФ, используются средства криптографической защиты информации и электронной цифровой подписи "Верба-О\OW".

Безопасность информационных систем Пенсионного фонда РФ обеспечивается с помощью специальных методов. Правовым методом обеспечения информационной безопасности является разработка нормативных правовых актов, регла-

ментирующих отношения в информационной сфере и нормативных методических документов по вопросам обеспечения информационной безопасности Пенсионного фонда РФ.

Необходимым этапом совершенствования информационной системы и создания единого информационного пространства Пенсионного фонда РФ является разработка регламентов, определяющих информационное взаимодействие между структурами, ведущими базы данных, и структурами, являющимися пользователями этой информации. Регламенты определяют порядок передачи информации, права доступа к ней, защиту информации от несанкционированного доступа. Так, Пенсионным фондом РФ были разработаны и действуют Регламент регистрации и подключения юридических и физических лиц к системе электронного документооборота Пенсионного фонда РФ², Регламент обеспечения безопасности информации при защищенном обмене электронными документами в системе электронного документооборота Пенсионного фонда РФ по телекоммуникационным каналам связи³ и др.

Среди методов обеспечения информационной безопасности Пенсионного фонда РФ выделяют также организационно-технические (например, разработка, использование и совершенствование средств защиты информации и методов контроля эффективности этих средств) и экономические методы (например, совершенствование системы финансирования работ, связанных с реализацией правовых и организационно-технических методов защиты информации, создание системы

страхования информационных рисков физических и юридических лиц).

В заключение необходимо отметить, что по мере роста информатизации общества и распространения компьютерных информационно-коммуникационных систем и сетей в органах государственной власти, в том числе в Пенсионном фонде РФ, будут возрастать как позитивные возможности их использования, так и риск отрицательных последствий, т.е. нарушение целостности и безопасности содержащихся в таких системах данных. Соответственно, деятельность по обеспечению безопасности информационных систем Пенсионного фонда РФ должна постоянно совершенствоваться, а сотрудники, обеспечивающие выполнение указанной функции, регулярно повышать свою квалификацию.

¹ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования : федер. закон : [от 1 апр. 1996 г. № 27-ФЗ]: [ред. от 3 дек. 2011 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 14. Ст. 1401; 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7037.

² О введении в системе Пенсионного фонда Российской Федерации криптографической защиты информации и электронной цифровой подписи : постановление Правления Пенсионного фонда РФ: [26 янв. 2001 г. № 15]. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

³ О внедрении защищенного электронного документооборота в целях реализации законодательства Российской Федерации об обязательном пенсионном страховании : распоряжение Правления Пенсионного фонда РФ : [11 окт. 2007 г. № 190 р] : [ред. от 19 марта 2010 г.]. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

Поступила в редакцию 05.01.2013 г.

ОСОБЕННОСТИ АЛЕАТОРНОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПАЕВЫМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ФОНДОМ КАК АЛЕАТОРНОГО ДОГОВОРА

© 2013 О.В. Стрелина

Всероссийская академия внешней торговли при Министерстве торговли
и развития Российской Федерации, г. Москва

E-mail: olstrel@gmail.com

Рассмотрена особенность правового содержания договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом с учетом алеаторности данного договора. В результате анализа установлено, что, во-первых, данный договор действительно обладает признаками алеаторности, а во-вторых, алеаторность обладает такими особенностями, которые позволяют выделить ее в отдельную правовую характеристику, именуемую “односторонней алеаторностью”.

Ключевые слова: паевые инвестиционные фонды, договор доверительного управления, объект договора доверительного управления, алеаторность, односторонняя алеаторность.

При анализе содержания отношений между пайщиками и управляющей компанией важен функциональный подход, в основу которого положен не только анализ позитивного права с позиции формальной логики, но также и учет экономики и экономических потребностей. Для понимания института договора доверительного управления экономическая суть правоотношений между пайщиками и управляющей компанией играет определяющую роль. Как верно отмечено З.Э. Беневоленской, “в условиях рыночной экономики степень отделения управления от функции собственности возросла, что повлекло за собой увеличение самостоятельности управляющего как предпринимателя. Доверительное управление имуществом - явление рыночной экономики”¹. Развитие института собственности повлекло за собой дальнейшее разделение труда, когда собственник для получения прироста от своего имущества привлекает некоего посредника, обладающего специальными знаниями.

Правоотношения пайщика и управляющей компании - это инвестиционные правоотношения, “под которыми следует понимать социальные связи, возникающие между уполномоченными на то субъектами по поводу вложения в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности денежных средств, ценных бумаг, иного имущества в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта”². Инвестиционной она является по своей сути, так как предполагает не его сохранение, а, наоборот, преумножение под риском полной потери. Управляющие компании выступают в данном случае в роли по-

средника между пайщиком и финансовым рынком³. И в данные отношения изначально заложен инвестиционный риск, связанный с имущественными потерями.

Ученые-цивилисты М.И. Брагинский и В.В. Витрянский проводят деление всех возмездных договоров на “меновые” и “рисковые” (алеаторные), ссылаясь на классика отечественной юриспруденции К.П. Победоносцева, относящего к рисковому только те договоры, в которых “по цели и намерению стороны конечный результат и материальная ценность его поставлены в зависимость от события совершенно неизвестного или случайного, так что при заключении договора неизвестно, которая сторона в конечном результате выиграет, получит выгоду”⁴.

Но их следует отличать от условных сделок⁵, потому что те или иные события действительно являются определяющими в возникновении тех или иных правовых последствий. В условных сделках с условием связывают момент возникновения и исполнения встречных обязательств (эквивалентных). В свою очередь, в алеаторных отношениях с возникновением условия связывают возникновение имущественной потери и возникновение имущественной выгоды (которые не могут быть по своей сути эквивалентными). Причем алеаторным отношениям не свойственны эквивалентность предоставляемых встречных обязательств, как это свойственно меновым договорам.

В литературе алеаторность определяют через момент возникновения возмездности в отношениях сторон. Как утверждал О.С. Иоффе, “але-

аторными называются договоры, которые, будучи возмездными, конструируются так, что объем встречного удовлетворения, причитающегося от одной из сторон, остается неизвестным, пока не наступит обстоятельство, призванное его окончательно определить⁷⁶.

Действительно, возникновение того или иного случая, условия имеет важное значение в определении алеаторности, однако сведение теории к данному критерию будет иметь следствием то, что данный подход будет сведен к установлению юридического факта, а это не может быть использовано для комплексного анализа алеаторных сделок и, более того, приводит к подмене понятий условной сделки и рисков.

Как верно отмечает О.С. Иоффе дальше в своих трудах, «если к алеаторным договорам подходить с чисто коммерческой точки зрения, то на первый план в них выступает известный элемент риска, принимаемого на себя каждой из сторон, так что вполне вероятно, что либо один, либо другой контрагент получит встречное удовлетворение меньшего объема, чем им самим предоставлено⁷⁷. Действительно, размер встречных требований четко определен в меновых договорах, в алеаторных же договорах он зависит от того или иного обстоятельства, относящегося к будущему. Но важным является именно определяющая категория риска.

Так, Г. Дербург определяет, что алеаторные сделки объединяет одна черта, а именно «риск, так как само существование притязания одной стороны или объем его зависят от неизвестных случайностей, причем эквивалент остается неизменным⁷⁸. Верно отмечал Потье, определяя алеаторные договоры «как договоры, в которых то, что одно лицо дает или обязуется дать другому, есть цена риска, который один возложил на другого⁹.

Наступление риска в рамках договора доверительного управления паевого инвестиционного фонда определяет обязанность управляющей компании по выплате компенсации. В случае возникновения риска имущество, находящееся в доверительном управлении, может быть утрачено, и у управляющей компании не возникает обязательства по выплате компенсации. И наоборот, в том случае, если риск не наступает, у управляющей компании существует обязательство по выплате компенсации соразмерно доле владения в паевом инвестиционном фонде.

Действительно, именно установление роли риска является определяющим в алеаторных отношениях. Как верно отмечает Н.Б. Щербаков, исследуя договор страхования, «исполнение страховщиком договора включает в себя не только выплату страхового возмещения при наступлении страхового случая, но и несение страховщиком риска с момента возникновения страховых отношений. Точнее говоря, выплата страхового возмещения не существует изолированно, но является логическим продолжением, следствием главной обязанности страховщика - обязанности нести за страхователя принятый на себя по договору страхования риск... Заключая договор страхования, страхователь, как представляется, преследует единственную цель: сохранить за собой все блага, связанные с застрахованным имуществом, сняв с себя все возможные неблагоприятные последствия в застрахованном имуществе⁷⁹. В отношении договора ренты также указывается на то, что «еще одной особенностью ренты является ее алеаторность, т.е. невозможность точно просчитать экономический эффект каждой из сторон⁸⁰.

Важно отметить, что риск понимается не в экономическом смысле, который выражается в неполучении прибыли⁸¹. В праве риск можно определить как возможность ухудшения имущественной сферы лица в результате его утраты в той или иной мере или форме, отмечая при этом вероятностный характер данного риска, т.е. невозможность определить его наступление по независящим от воли сторон причинам, обстоятельствам и т.п.

В алеаторных сделках риск является просчитываемым. То есть, вступая в те или иные отношения, стороны предполагают определенные события, которые могут происходить, и предполагают размеры имущественного ущерба, но при этом не имеют возможности каким-либо образом воздействовать на их возникновение. Например, с договором страхования стороны изначально прогнозируют случаи, при которых возможно возникновение имущественных последствий для сторон, и дают имущественную оценку ухудшения имущественного состояния страхователя.

Таким образом, определившись с тем, что представляет собой риск, необходимо понять, каким образом возможно определить алеаторные отношения, ведь распределение риска является основой любых гражданско-правовых отношений.

Так, еще Я.М. Магазинер отмечал, что “всякий договор есть взаимное страхование от множества рисков мелких и крупных и распределение этих рисков между заключившими этот договор”¹³.

Действительно, в любом договоре стороны пытаются предусмотреть факторы неожиданности, которые могут повлиять на исполнение обязательства. Особенно это касается тех договоров, где моменты заключения и исполнения не совпадают. Однако в алеаторных отношениях риск является не столько фактором неожиданности, сколько существенным условием возникновения и исполнения тех или иных обязательств, т.е. риск выступает устанавливающей категорией. Если цель менового договора - получение возмездного исполнения, встречного удовлетворения, то цель алеаторных договоров - получение имущественной выгоды при признании возможной имущественной потери. Содержание алеаторных отношений образует допущение возможности ухудшения имущественной сферы лица в результате утраты имущества.

Так, в рамках отношений страхования имущественная выгода заключается в том, что страхователь имеет своей целью сохранить за собой все блага, связанные с застрахованным имуществом, сняв с себя возможные неблагоприятные последствия в застрахованном имуществе.

В пари также просчитываем случай, как и возможные имущественные потери. В отличие от договора страхования в пари не происходит передачи риска как в договоре страхования, так как вторая сторона не несет обязательства по восстановлению имущественной потери первой стороны. Однако при возникновении события (выигрыша) вторая сторона несет убыток.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в алеаторных отношениях пари и страхования происходит передача риска при наступлении определенных условий и обе стороны несут данный риск (риск потери имущества).

Что же происходит с договором доверительного управления паевым инвестиционным фондом? Учредитель, заключая договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом, передает свое имущество для целей его инвестирования, осознавая при этом, что в конечном итоге при изменении волатильности рынка возможна полная потеря имущества или его части. Таким образом, такой договор заключается для целей участия в риске.

Риск носит вероятностный (предсказуемый) характер, возникновение которого не зависит от сторон договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом. При этом риск данной потери не возлагается на управляющую компанию, а остается на учредителе. Риск в данном случае является внешним, зависящим от изменения рыночной ситуации, но имеющим свой эффект на внутренние отношения между управляющей компанией и учредителем. Вероятность заключается в изменении рынка, стоимости активов, в которые производится инвестирование, в изменении политической ситуации. Прогнозируемость данного риска заключается в выработке инвестиционной стратегии, просчета техник инвестирования и в прогнозировании предполагаемой имущественной выгоды или потери.

Считается, что в алеаторных отношениях заложен принцип передачи имущественного риска на контрагента. При этом возмездность предполагает оплату данному контрагенту услуги по принятию данного имущественного риска. Как отмечает Г. Капитан, “несомненно, эта кауза - всегда встречное предоставление, но также и в первую очередь - “перспектива риска”, из которого одна сторона надеется извлечь выгоду или от которой она хочет уберечься”¹⁴.

Если перейти к договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом, то учредитель несет риск всем своим имуществом, переданным в доверительное управление, при этом управляющая компания получает лишь вознаграждение, равно как и в договоре страхования получает за услуги по несению имущественной ответственности за потерю, порчу имущества. Риск пайщика заключается в том, что, передавая капитал, он надеется получить прибыль при наличии возможности потерять все переданное. Сам риск пайщика связан с условиями, не зависящими от воли сторон: с изменением рынка, котировок ценных бумаг, с кризисом, действием государственных органов и многими другими факторами, влияющими на стоимость объектов, в которые осуществляются инвестиции управляющей компании. При этом учредитель передает управляющей компании не обязанность нести риск имущественной потери, а непосредственно участие в данном риске, передавая все полномочия собственника, что связано со спецификой отношений пайщиков и управляющей компании, когда реализация субъективных прав пайщиков осуще-

ствляется управляющей компанией. Такие отношения, в которых риск возлагается на одну сторону, а участие в данном риске, или его можно именовать “управление данным риском”, возлагается на другую сторону без возложения последствий такого участия на эту сторону, можно именовать “односторонняя алеаторность”. Для управляющей компании при этом не возникает риска по возмещению имущественных потерь пайщика, что, кстати, напрямую отражено в Федеральном законе “Об инвестиционных фондах”. Кака-либо ответственность за реальный ущерб пайщика возмещается управляющей компании при наличии доказательств наличия причинно-следственной связи между действиями управляющей компании и возникшими имущественными потерями.

¹ Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. М., 2005. С. 30.

² Вдовин И.А. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности: Исторический и теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 30.

³ При этом необходимо понимать, что инвестиционный договор не является отдельным видом договора. В теории сложилось единое на сегодня мнение, что инвестиционный договор является гражданско-правовым. Основанием квалификации являются особенности объекта и содержания правоотношения.

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2001. С. 318.

⁵ М.И. Брагинский, давая определение алеаторной сделки, приравнивает ее к условной: “...в алеаторной сделке возникновение прав и обязанностей поставлено в зависимость от обстоятельства, в отношении которого неизвестно, наступит ли оно” (Брагинский М.И. Договоры об играх и пари. М., 2006. С. 3). В.И. Серебровский также считает, что алеаторной сделкой можно

назвать такую, в которой предоставление, которое обязана сделать ее сторона, находится в зависимости от наступления неизвестного события” (Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 1997. С. 447). Такая позиция отражается и в судебной практике. Так, ФАС МО в Постановлении от 11 мая 2006 г. по делу № КГ-А40/3650-06 указал: “...условие об оплате по договору возмездного оказания услуг не может быть поставлено в зависимость от действий не только суда или иного государственного органа, но и действий иных лиц, не являющихся стороной по договору”. Данный вывод основан на том, что элемент риска, характерный для сделок с отлагательным условием по смыслу п. 1 ст. 157 ГК РФ, а также для алеаторных сделок (игры, пари), по которым встречное удовлетворение одной из сторон ставится в зависимость от обстоятельств, не зависящих от действий сторон по договору, противоречит существу договора возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ), предмет которого должен включать обязанность заказчика по оплате услуг (доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”).

⁶ Иоффе О.С. Избранные труды. М., 2004. Т. 3. С. 313.

⁷ Там же.

⁸ Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право. М., 1990. С. 343.

⁹ Euvres de Pothier. Novekke Edition. Publie par M. Siffrein. Paris, 1824. Tome sixieme. P. 270.

¹⁰ Щербаков Н.Б. Основные подходы к определению природы алеаторных сделок // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

¹¹ Яргина Е.А. Договор ренты // Актуальные проблемы гражданского права. 2002. Вып. 5. С. 211.

¹² Схожего мнения придерживается и И.И. Степанов (Степанов И.И. Опыт теории страхового договора. Казань, 1875. С. 90).

¹³ Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избр. труды по общей теории права / отв. ред. А.К. Кравцов. СПб., 2006. С. 166.

¹⁴ Capitan H. De la cause des obligations. Paris, 1927. Tome troisieme. P. 51.

Поступила в редакцию 05.01.2013 г.

РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

2013 Н.А. Никитина

Самарский государственный экономический университет

E-mail: nikitinanina@bk.ru

Раскрывается определение понятия “рынок ценных бумаг” в разрезе различных отраслей права, рассматривается понятие публичных экономических интересов, место института рынка ценных бумаг в системе права, система правовых средств для обеспечения защиты публичных экономических интересов на рынке ценных бумаг.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, публичный интерес, публичное право, публичный экономический интерес, комплексный институт.

Одним из наиболее важных и быстро развивающихся сегментов рынка сегодня, безусловно, является рынок ценных бумаг. В течение последних лет он привлекает пристальное внимание как профессиональных участников рынка, так и предприятий различных форм собственности, граждан.

Учитывая фундаментальное значение рынка ценных бумаг для успешного функционирования экономики, можно отметить наметившуюся в последнее время четко выраженную тенденцию государственного вмешательства в процессы, происходящие на рынке ценных бумаг. Именно в этом сегменте экономики наиболее ярко проявляется сочетание публичных и частных интересов. Частно-публичное регулирование рынка ценных бумаг предлагается рассматривать как эффективный способ защиты прав и свобод участников рынка.

Необходимость применения баланса частных и публично-правовых элементов в сфере регулирования рынка ценных бумаг объясняется несколькими факторами. С одной стороны, публичное регулирование отношений на рынке ценных бумаг необходимо, так как невозможно представить себе сегодня в России неконтролируемый рынок ценных бумаг. Правонарушения на этом рынке, нужно признать, редкостью не являются и приносят значительный ущерб российской экономике. С другой стороны, участие государства в регулировании рынка ценных бумаг не должно допускать подавления или ограничения частных интересов субъектов на рынке ценных бумаг.

В целях стабилизации ситуации на рынке ценных бумаг активная роль по формированию общих требований к участникам правоотношений,

допустимому ограничению свободы их деятельности, пресечению незаконной монополии на рынке, защите прав и свобод инвесторов должна принадлежать, прежде всего, государственным регулирующим органам.

Государство, устанавливая обязательные требования к профессиональным субъектам на рынке ценных бумаг (лицензирование профессиональных участников рынка ценных бумаг, необходимость раскрытия в установленном законом порядке информации в виде сообщений о существенных фактах), защищает интересы всех субъектов на рынке. Ограничение монополистической деятельности на рынке, стимулирование конкуренции продиктованы желанием государства оградить права субъектов от посягательств третьих лиц (недобросовестных участников).

Однако, помимо общественных, особо выделяются государственные интересы, которые представляют собой общественные интересы, преломленные через деятельность государства. Существуют различные точки зрения относительно возможности существования государственных интересов, многие ученые склоняются к тому, что данное понятие не имеет самостоятельного значения, поскольку у государства нет собственных потребностей и интересов.

Однако можно справедливо заметить, что выделение государственных интересов оправданно. Полное соответствие общественных и государственных интересов - это недостижимая цель, поскольку отношения общества с государством всегда заключают в себе противоречия. Связано это, прежде всего, с тем, что на формирование государственных интересов оказывают влияние интересы определенных групп или отдельных лиц

(партии, имеющей большинство в парламенте, государственных чиновников, представителей крупного бизнеса, международных институтов и т.д.).

Публичные интересы кратко определяют как охраняемые правом общественные и государственные интересы. Их носителями являются общество и государство в целом, субъекты Федерации, муниципальные образования, а выразителями либо лицами, их охраняющими, - компетентные государственные и иные органы.

Таким образом, государство, являясь особым участником правоотношений, возникающих на рынке ценных бумаг, защищает и свои собственные права и интересы. Для этого в арсенале органов государственной власти существует ряд правовых средств государственного регулирования.

Начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, который, по большому счету, не прекратился до сих пор, поставил ряд вопросов перед ведущими экономистами и юристами мира о том, как правильно и эффективно организовать рынок ценных бумаг и, главное, как сделать это без ущерба рыночным отношениям.

Эффективное развитие рынка ценных бумаг невозможно без направляющей и поддерживающей в кризисные моменты руки государства. Однако обеспечение здорового баланса государственного регулирования правоотношений, происходящих на рынке ценных бумаг, и саморегулирования участниками рынка является сейчас целью не только Российской Федерации, но и многих развитых стран мира.

Само понятие рынка ценных бумаг по-разному интерпретируется экономистами и правоведами.

Термином “рынок ценных бумаг” изначально пользовались экономисты. Проблема в том, что для экономистов ответ на вопрос о сущности рынков представляет собой большую проблему. Одни авторы говорят о рынке как о “месте”¹, другие используют слово “механизм” или “институт”². Большая адекватность этих определений состоит в фиксации главного, что представляет собой рынок как особый тип обмена, - отношений участников рынка, которые регулируются определенными институтами.

Рассматривая рынок ценных бумаг, обычно указывают, что это совокупность экономических отношений его участников по поводу выпуска и обращения ценных бумаг³, или просто определяют его как часть финансового рынка⁴.

Таким образом, экономисты связывают понятие рынка ценных бумаг с процессами перераспределения денежных накоплений, имеющими целью мобилизацию денежных ресурсов на макро- и микроуровне⁵. Учитывая, что понятие ценных бумаг закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации, правоведы определяют рынок ценных бумаг, как правило, в цивилистическом аспекте, рассматривая его как совокупность определенных сделок по приобретению и отчуждению ценных бумаг. К примеру, Е.А. Суханов во вступительной статье к работе В. Белова “Ценные бумаги в российском гражданском праве” определяет рынок ценных бумаг как совокупность сделок, совершаемых участниками имущественного оборота по поводу ценных бумаг⁶. Однако слишком широкий подход, используемый в данном определении, не позволяет выявить сущностные черты интерпретируемого понятия. Представители предпринимательского права дают более конкретное определение: “Рынок ценных бумаг есть сфера обращения ценных бумаг, обладающих свойствами специфического товара, по особым правилам и в рамках определенной территории между субъектами, осуществляющими или иным образом воздействующими на их выпуск, обращение или погашение”⁷.

Рынок ценных бумаг предстает в российских отраслях права как комплексный институт, сочетающий в себе правовое регулирование отраслями частного (прежде всего гражданского) и публичного (финансового и административного) права⁸.

На наш взгляд, можно согласиться с мнением как С.В. Ротко, так и Н.И. Химичевой: рынок ценных бумаг - это комплексный институт (раздел) законодательства (гражданского, административного, финансового, уголовного и пр.). Сама же организация рынка ценных бумаг является предметом регулирования финансового права, т.е. права публичного, как деятельность государства по упорядочению отношений различных субъектов (участников) рынка ценных бумаг посредством использования императивного метода (метода властных предписаний), являющегося основным методом публично-правового регулирования⁹.

Таким образом, рынок ценных бумаг представляет собой область межотраслевого правового регулирования. Данное регулирование осуществляется при помощи разноотраслевых пра-

вовых средств¹⁰. В целом же, указанная сфера одновременно регламентируется как частным, так и публичным правом, поскольку экономическая деятельность подвержена гражданско-правовому регулированию, в рамках которого происходит регламентация непосредственного осуществления указанной деятельности.

Вместе с тем, деятельность в рассматриваемой сфере испытывает существенное влияние публичного права. Оно оказывает нормативное (регулирующее) воздействие на рынок ценных бумаг. С помощью публичного права, с одной стороны, происходит ограничение осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, с другой стороны, поощряется ее развитие.

На современном этапе регулирование рынка ценных бумаг нормами публичного права нацелено, прежде всего, на поддержание порядка на рынке, создание нормальных условий для работы всех участников рынка и защиту участников рынка от недобросовестности и мошенничества отдельных лиц или организаций, а главным образом, на создание эффективного, конкурентоспособного рынка ценных бумаг, на котором всегда имеются стимулы для предпринимательской деятельности.

Правовое государство должно стремиться к тому, чтобы максимально учесть и сбалансировать публичные и частные интересы, проявляющиеся в экономических отношениях, в том числе и в правоотношениях, возникающих на рынке ценных бумаг, свести к минимуму неизбежный конфликт между ними, найти механизмы и способы, с помощью которых возможно осуществлять эффективное правовое регулирование.

Без сомнения, базовые элементы рынка ценных бумаг должны быть урегулированы нормами гражданского законодательства. Но в то же время государственное вмешательство требуется для обеспечения эффективного функционирования рынка ценных бумаг, для создания и функционирования системы государственных гарантий надежности вложений в ценные бумаги, для стабильного развития рынка, а также для обеспечения надлежащей информационной прозрачности всего механизма рынка ценных бумаг.

Экономические интересы не предопределяют содержания права, а взаимодействуют с ним. При этом взаимодействие носит взаимный характер. С одной стороны, право фиксирует сложив-

шиеся экономические интересы, предоставляя тем самым определенные средства защиты от препятствий в их реализации, а с другой стороны, его содержание влияет на формирование новых экономических интересов и изменение содержания уже существующих.

Понятие публичных экономических интересов в научной литературе пока не выработано, отсутствует данное понятие и в нормативных правовых актах. Однако некоторые авторы в своих публикациях обращались к проблемам обеспечения публичных интересов в предпринимательской и иной экономической деятельности¹¹.

Рассматривая категорию публичных экономических интересов в сфере рынка ценных бумаг, среди основных ее признаков можно выделить следующие: во-первых, носителем этих интересов является государство в роли представителя общества, а во-вторых, их содержание составляют общественные потребности в указанной сфере. Удовлетворение последних выступает целью публичных интересов, достижение которой осуществляется с помощью приведения в действие определенных правовых механизмов.

В сфере рынка ценных бумаг, как и в любой другой экономической деятельности, публичные интересы проявляют себя в двух основных направлениях: во-первых, это предоставление свободы и условий для свободного использования своих способностей и имущества в рассматриваемой сфере, а во-вторых, недопущение злоупотребления этой свободой в ущерб интересам общества. Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что упорядочение общественных отношений на рынке ценных бумаг и справедливое удовлетворение публичных экономических интересов (т.е. признанных государством и закрепленных в праве экономических интересов субъектов), должно являться целью реформирования и совершенствования нормативного правового регулирования отношений на рынке ценных бумаг.

Привлекательность рынка ценных бумаг заключается в возможности приумножить собственный капитал, привлечь необходимые финансовые ресурсы. Однако деятельность на рынке ценных бумаг предполагает также высокие риски финансовых потерь. Для уменьшения возможности такого рыночного риска, а следовательно, для защиты публичных экономических интересов субъектов на рынке ценных бумаг необходимы

система должного финансового контроля, постоянное совершенствование правового регулирования отношений, складывающихся при управлении рынком ценных бумаг.

Выполнение указанной задачи невозможно без применения системы правовых средств, которые обеспечивают реализацию и защиту публичных экономических интересов в сфере рынка ценных бумаг.

В качестве наиболее яркого примера такого средства выступают правовые нормы, с помощью которых государство, с одной стороны, реагируя на созревшую общественную потребность, закрепило исходные начала функционирования субъектов рынка ценных бумаг, основанные на свободе их действий и минимальном своем участии, а с другой - применяет ограничения и осуществляет контроль за соблюдением законодательства профессиональными участниками рынка ценных бумаг в угоду интересам общества при существовании угрозы их попражня.

Удовлетворение публичных экономических интересов в сфере рынка ценных бумаг происходит, в числе прочего, путем государственного регулирования рынка ценных бумаг и заключается в установлении разнообразных норм, предполагающих: во-первых, применение определенных требований к эмитенту ценных бумаг, профессиональным и другим участникам рынка ценных бумаг. Так, государство, например, предусматривает для эмитента ценных бумаг: ведение обязанности по раскрытию информации; утверждение стандартов эмиссии ценных бумаг; установление стандартов бухгалтерского учета и отчетности, а также требований к проведению аудиторских проверок и оценочной деятельности; для профессиональных участников рынка ценных бумаг - введение системы лицензирования.

Во-вторых, кроме установления норм, государство также посредством использования властных, императивных полномочий обеспечивает их соблюдение и исполнение при помощи различных мер охранительного характера.

Помимо регулирования основных требований к участникам рынка ценных бумаг, государственно-правовому регулированию подлежит и сама организация данного рынка, направленная на обеспечение антимонопольных, конкурентно-справедливых условий деятельности различных субъектов рынка ценных бумаг. В этих целях государством вводятся требования, касающиеся

поведения органов исполнительной власти, предусматривается возможность последних в конкретно установленных законом случаях и порядке вмешиваться в отношения участников рынка, вплоть до их прекращения (если, например, эти отношения нарушают принцип добросовестности и противоречат интересам развития рынка в целом), в целях пресечения недобросовестной деятельности (через применение определенных законом санкций). К таким требованиям, установленным государством, относятся меры, направленные на защиту конкуренции на рынке ценных бумаг, установление особых правил выпуска, обращения и размещения эмиссионных ценных бумаг, а также соблюдение правил использования инсайдерской информации, запрет манипулирования ценами на рынке ценных бумаг.

В законодательных актах, устанавливающих подобные требования на рынке ценных бумаг, прослеживается приоритет защиты именно публичных экономических интересов субъектов. Категории "публичный интерес", "интерес государства", "общественный интерес" встречаются в них достаточно редко, так как само их содержание и так направлено на обеспечение публичных интересов. Императивный характер норм законодательства, направленных на ограничение свободы предпринимательства (в частности, законы о регистрации, лицензировании, антимонопольное законодательство), является прямым либо косвенным выражением публичного экономического интереса. Лишнее упоминание в них вышеперечисленных категорий не имеет смысла ввиду презумпции обоснованности вмешательства государства в частные интересы с целью обеспечения интересов публичных.

Государственное регулирование рынка ценных бумаг ведется по нескольким направлениям, имеющим наиболее уязвимые для публичных экономических интересов места:

- в целях охраны общественного порядка и обеспечения безопасности граждан законодательством предусмотрена гражданская, административная и уголовная ответственность за совершение в сфере рынка ценных бумаг правонарушений различной степени тяжести. Государство в лице соответствующих компетентных органов отвечает не только за привлечение к юридической ответственности, но и за предупреждение и пресечение правонарушений посредством проведения различного рода проверок и приме-

нения установленных законом мер по устранению данных нарушений (например, выдача эмитентам и профессиональным участникам рынка ценных бумаг, нарушившим законодательство Российской Федерации, ненормативных правовых актов индивидуального характера, являющихся обязательными для исполнения);

- важнейшим направлением контрольной деятельности государства выступает антимонопольное регулирование рыночных отношений, создание конкурентной среды;

- деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг в обязательном порядке должна быть подвергнута лицензированию;

- государственная регистрация субъектов, функционирующих на рынке ценных бумаг (а именно юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), также является одним из средств государственного контроля;

- обеспечение государственной и общественной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, объектом инвестирования которых служат эмиссионные ценные бумаги.

¹ Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика: пер. с англ. М., 1997. С. 53.

² Экономика: учебник / под ред. А. С. Булатова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 93.

³ См.: *Алехин Б.И.* Рынок ценных бумаг: Введение в фондовые операции. Таганрог, 1991. С. 6.

⁴ См.: Рынок ценных бумаг: учебник для бакалавров / Л.А. Чалдаева, А.А. Килячков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 53.

⁵ См.: *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003. С. 253.

⁶ *Белов В.А.* Ценные бумаги в российском гражданском праве / под ред. Е.А. Суханова. М., 1996. Т. 1-2. С. 3.

⁷ Российское предпринимательское право: учебник / под ред. И.В. Ершовой. М., 2011. С. 125.

⁸ *Ротко С.В., Тимошенко Д.А.* Основные направления развития административно-правового регулирования рынка ценных бумаг // *Банковское право.* 2008. № 6. С. 21.

⁹ *Смирнов Е.И.* Совершенствование рынка ценных бумаг // *Управление в кредитной организации.* 2011. № 2. С. 2.

¹⁰ *Бруско Б.С.* Пределы антимонопольного регулирования предпринимательских правоотношений // *Право и экономика.* 2012. № 8.

¹¹ См.: *Курбатов А.Я.* Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2001; *Борисенкова Т.В.* Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании банкротства юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Поступила в редакцию 05.01.2013 г.

НЕПРАВОМЕРНЫЙ ЗАХВАТ СОБСТВЕННОСТИ ПУТЕМ РЕЙДЕРСТВА: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

© 2013 М.Я. Костроба

Хабаровская государственная академия экономики и права

E-mail: maksimkostroba@gmail.com

Статья посвящена проблеме неправомерных захватов собственности (рейдерства) в России. Обоснована актуальность разработки мер по противодействию рейдерству. Рассмотрены криминологические и уголовно-правовые аспекты рейдерской деятельности.

Ключевые слова: рейдерство, захват предприятий, контроль над активами, общественно-опасное деяние.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует понятие так называемого рейдерства, а также в правовой науке отсутствует устоявшийся понятийный аппарат по исследуемому вопросу. Несмотря на этот досадный факт, рост преступлений в экономической сфере ставит российскую правоохранительную систему перед острой необходимостью жесткого пресечения общественно опасных деяний, направленных на незаконное приобретение права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения активами (частью активов) юридического лица либо связанных с установлением контроля над юридическим лицом путем приобретения права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения долями участников юридического лица в уставном капитале юридического лица и (или) голосующими акциями акционерного общества.

По словам бывшего Председателя Совета Федерации С. Миронова, ежегодно в России фиксируется свыше 60 тыс. рейдерских атак, в результате которых разрушаются стратегические предприятия, банкротятся эффективные производства, снижается инвестиционная привлекательность целых отраслей; при этом давление рейдеров на бизнес ежегодно отнимает у страны до 1 % экономического роста¹.

Анализ прокурорской практики показывает, что на территории Российской Федерации совершается большое количество криминальных захватов хозяйствующих субъектов, нарушается законодательство при слиянии коммерческих организаций, приобретении их акций (долей) и иного имущества. Зафиксированы случаи силовых захватов как в целом предприятий, так и отдельных имущественных объектов, влекущие за собой незаконный передел собственности. В этой связи

данная тема, без сомнения, актуальна и требует внимания правоохранительных органов, юристов-экспертов и, прежде всего, законодателя.

Основополагающим понятием в определении рейдерства является понятие “захват” чужой собственности. В Уголовном кодексе Российской Федерации² уже используется понятие “захват” в таких статьях, как ст. 206 (“Захват заложника”), ст. 211 (“Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава”), ст. 278 (“Насильственный захват власти или насильственное удержание власти”), притом это понятие неприменимо к преступлениям в сфере экономики.

В нашем случае захват - это насильственная смена собственника (инвестора) или менеджмента компании с целью приобретения (завладения) имущества компании или установления контроля над данным имуществом.

Таким образом, “рейдерство” и “криминальный захват” предприятий не являются юридическими определениями, и в Уголовном кодексе РФ нет статей, которые охватывали бы эти понятия. Какое преступление отнести к понятию “захват предприятий”, эксперты трактуют по-разному. Соответственно, пока нет и единой статистики дел, ведущихся по этой категории.

Попытка получения контроля над активами со стороны рейдеров всегда сопровождается нанесением ущерба лицам, под контролем которых прежде находился данный актив. Действия агрессоров могут приводить к убыткам, непредвиденным расходам, утрате имущества и денег, упущенной выгоде, оскорблению чести и достоинства, подрыву репутации. Объем ущерба атакуемой стороны в значительной степени определяет доходность проекта. Причем факт или угроза нане-

сения ущерба обуславливают высокую вероятность противоборства и, как следствие, высокую вероятность недостижения поставленной цели с потерей инвестированных средств. Это указывает на необходимость рассмотрения рейдерства как высокодоходной деятельности в условиях высокого уровня риска.

При необходимости воздействия на оппонентов некоторые рейдеры стремятся использовать законные инструменты оказания давления на контрагентов (судебные иски, вступление в сговор с компаниями-контрагентами фирмы-мишени, инициирование проверок со стороны налоговых органов, органов внутренних дел и прочих структур). Это отличает их от силовых предпринимателей, тяготеющих к насилию или угрозам применения насилия.

Большинство ученых и экспертов в области криминального захвата имущества выделяют три вида рейдерской деятельности. Но некоторые авторы отмечают дополнительные виды рейдерства. Рассмотрим наиболее актуальную, с нашей точки зрения, классификацию.

Белое рейдерство - недружественное слияние или поглощение компании, совершенное в рамках законодательства, проведенное по запланированной схеме в интересах предприятия-захватчика; часто опирается на действия в сговоре с частью собственников поглощенного предприятия. Используются исключительно законные способы захвата: скупка акций (долей) миноритарных участников с целью переизбрания органов управления; скупка долгов предприятия с целью временного ухудшения его экономического и финансового состояния, удешевления акций предприятия. Возможно использование административного ресурса, неформальной коммуникации, манипуляций с общественным мнением и т.п. Такая практика является приемлемой в развитых странах и не противоречит принятому законодательству³.

Серое рейдерство - сочетание квазизаконных и незаконных мер: шантаж контрагентов предприятия для создания ситуации невозможности продолжения деятельности, незаконное собрание акционеров, ведение двойного реестра, фальсификация решений общего собрания, решений и определений судов, актов органов власти, доведения компании-цели до банкротства. Обычно реализация таких схем оказывается возможной ввиду несовершенства законодательства.

Черное рейдерство - использование незаконных действий для установления контроля над пред-

приятием, силовой захват компании с использованием насилия, мошенничества, фальсификации документов, шантажа, коррупционных связей⁴, подкупа. Помимо коррупционных незаконных и неправосудных решений, оно характеризуется обязательным применением физического насилия⁵.

Еще один вид рейдерства, который нечасто выделяется ведущими авторами, - это васьильковое рейдерство - рейдерская деятельность, совершаемая государственным чиновником, выступающим добросовестным приобретателем объекта атаки рейдера, которого он сам же и нанял, или государственным чиновником, непосредственно возглавляющим команду рейдеров. Название дано журналистами Санкт-Петербурга по цвету парадной формы КГБ СССР⁶.

Исходя из анализа видов рейдерской деятельности, можно прийти к выводу, что не вся такая деятельность является криминальной. Поэтому следует рассмотреть следующие ситуации.

Представим совокупность действий, которые можно считать рейдерской деятельностью, часть этих действий носит уголовный характер. В результате этих действий передается имущество (предприятие). Передача имущества может быть как законной, так и незаконной. Но какой бы передача ни была, действия, приведшие к ней, по-прежнему носят уголовно-правовой характер. Следует квалифицировать каждое общественно опасное деяние виновного лица как уголовно наказуемое, а не рассматривать конечный результат, т.е. захват имущества. Поэтому второй путь решения данной проблемы, который мы опишем позже, на наш взгляд, наиболее приемлемый.

Примером незаконных действий при законной передаче имущества может быть такая манипуляционная технология. Допустим, у нас есть три компании, которые условно обозначим А, В и С. Компания А абсолютно обычная компания, против которой выступает компания В. Компания В открыто ведет рейдерскую политику против компании А путем публикации негативных материалов в СМИ, подачи судебных исков на компанию и ее руководство, шантажа работников компании сведениями, имеющими компрометирующий характер, путем скупки миноритарного пакета акций компании. При этом компания В требует немедленной продажи контрольного пакета по крайне низкой цене. К тому же время от времени руководству компании А поступают угрозы, которые дают понять, что если компания не будет продана по цене, ниже рыночной

стоимости, то насилия в отношении их близких не избежать. В момент, когда атмосфера накалена до предела, появляется компания С, которая “совершенно случайно”, узнав о ситуации компании А, предлагает цену выше предложенной компанией В, но при этом цена остается намного ниже рыночной. При этом компания С обещает разобраться с надоедливой компанией В, исчерпав конфликт. Компания А принимает условия компании С, и та, в свою очередь, поглощает компанию А. При реализации такой технологии поглощения компания В и компания С на самом деле одно целое, временно разделившееся для поглощения цели. Абсолютно ничего не подозревающая компания А передает все права на владение предприятием компании С, что является, с первого взгляда, законной передачей имущества.

Чаще всего для достижения своих целей рейдеры используют такие приемы, как:

- провоцирование возбуждения уголовных дел по несуществующим основаниям;
- скупка мелких пакетов акций компании;
- скупка долговых обязательств предприятия;
- публикация негативных (обычно клеветнического характера) материалов в СМИ;
- преднамеренное доведение до банкротства;
- оспаривание прав собственности;
- подача судебных исков на компанию и ее руководство;
- организация многочисленных проверок со стороны контролирующих организаций и правоохранительных органов;
- получение незаконным путем в контролирующих, регистрационных и налоговых органах документов о предприятии, акциях, имуществе и пр.;
- регистрация подставной компании по месту нахождения предприятия, на которое направлена рейдерская атака;
- проведение собрания акционеров без участия основных собственников, на котором избирается новое руководство;
- захват предприятия силами судебных приставов-исполнителей и бойцов ОМОНа;
- провокация коллектива объекта рейдерства;
- использование ложных и фальсифицированных документов.

Это далеко не полный список приемов, используемых рейдерами при незаконном захвате предприятий. К тому же большинство этих приемов подпадает под действие более чем одного состава пре-

ступления, так как содержат в себе признаки сразу нескольких уголовно-наказуемых деяний.

Существует два принципиально различных пути решения проблемы отсутствия понятийного аппарата в законодательстве по рейдерству. Первый, предложенный в 2008 г. Национальным антикоррупционным комитетом, состоит в том, чтобы ввести в УК РФ статью “Рейдерство” как отдельное уголовно наказуемое преступление. Второй заключается в выделении совокупности нескольких действующих статей, содержание которых позволяет квалифицировать большинство преступлений, составляющих “рейдерскую” деятельность, и в дополнении этих статей новыми нормами права.

В подобную группу может войти более двух десятков статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, под определение общественно опасных деяний, составляющих рейдерскую деятельность, подходят следующие статьи: ст. 159 УК РФ (“Мошенничество”); ст. 163 УК РФ (“Вымогательство”); ст. 169 УК РФ (“Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности”); ст. 170 УК РФ (“Регистрация незаконных сделок с землей”); ст. 171 УК РФ (“Незаконное предпринимательство”); ст. 174 УК РФ (“Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем”); ст. 174.1 УК РФ (“Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления”); ст. 179 УК РФ (“Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения”); ст. 183 УК РФ (“Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну”); ст. 185 УК РФ (“Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг”); ст. 195 УК РФ (“Неправомерные действия при банкротстве”); ст. 196 УК РФ (“Преднамеренное банкротство”); ст. 197 УК РФ (“Фиктивное банкротство”); ст. 201 УК РФ (“Злоупотребление полномочиями”); ст. 202 УК РФ (“Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами”); ст. 204 УК РФ (“Коммерческий подкуп”); ст. 285 УК РФ (“Злоупотребление должностными полномочиями”); ст. 286 УК РФ (“Превышение должностных полномочий”); ст. 290 (“Получение взятки”); ст. 291 УК РФ (“Дача взятки”); ст. 292 УК РФ (“Служебный подлог”); ч. 1 и ч. 3 ст. 294 УК РФ (“Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования”);

ст. 299 УК РФ (“Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности”); ст. 301 УК РФ (“Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей”); ст. 302 УК РФ (“Принуждение к даче показаний”); ст. 303 УК РФ (“Фальсификация доказательств”); ст. 305 УК РФ (“Вынесение заведомо неправосудного решения или иного судебного акта”); ст. 306 УК РФ (“Заведомо ложный донос”); ст. 325 УК РФ (“Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия”); ст. 327 УК РФ (“Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков”); ст. 330 УК РФ (“Самоуправство”).

Такое количество возможных статей в делах о рейдерстве показывает размах данного вида преступной деятельности, но не отражает ни целей, ни получаемых результатов рейдерской деятельности. Так, в одном отдельно взятом деле о рейдерстве возможно привлечение лица к уголовной ответственности лишь по одной статье Уголовного кодекса Российской Федерации и данное преступление может быть рассмотрено в суде только в рамках этой статьи, например: ч. 3 ст. 327 УК РФ - использование заведомо подложного документа (наказывается штрафом в размере до 80 тыс. руб.). Очевидно, что результаты преступления должны соответствовать тяжести наказания, в данном же деле общественно опасный результат преступления может многократно превосходить тяжесть наказания.

Совершившее ряд общественно опасных деяний для достижения своих целей виновное лицо (рейдер) чаще всего наказывается судом как обыкновенный мошенник. Такая ситуация дает понять преступнику, что в полной мере за свои действия наказания он не понесет. Поэтому расследование дел о рейдерстве требует высокой и специализированной квалификации сотрудников правоохранительных органов. При должной внимательности и тщательном рассмотрении дел, связанных с рейдерской деятельностью, большинство уголовно-наказуемых деяний, совершенных в процессе рейдерской атаки, должны быть выявлены. Рейдер должен нести уголовную ответственность не только по одной лишь статье, такой как мошенничество (ст. 159 УК РФ) или самоуправство (ст. 330 УК РФ), но и по совокупности преступлений, описанных в статьях квалифицирующих совершенные им общественно опасные деяния.

Указанное должно достигаться путем добавления новых норм права в Уголовный кодекс Рос-

сийской Федерации и упрощения некоторых существующих норм. Например, рассмотрим ст. 173.1 УК РФ (“Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица”) и 173.2 (“Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица”). Подобные юридические нормы призваны решить проблемы взыскания задолженностей с “компаний-однодневок” и наказать виновных лиц, ответственных за появление таких компаний. Исходя из практики возбуждения уголовных дел понятно, что следователям для возбуждения уголовного дела по вышеуказанным статьям необходимо доказать тот факт, что данные граждане были введены в заблуждение или были не осведомлены, что совершают преступление. Так, могут встретиться случаи, когда гражданин будет настаивать, что потерял документы и не осведомлен об использовании его документа в противоправных целях. При допросах подставных лиц (директоров) они не указывают имена лиц, в чьих интересах регистрируется фирма, либо по незнанию, либо скрывая их имена, поэтому правоохранительные органы практически никогда не находят указанных таким образом инициаторов создания фирм⁷. К тому же ст. 173.2 УК РФ следует рассматривать как способ совершения преступления, указанного в диспозиции ст. 173.1. Поэтому мы считаем целесообразным объединить эти две статьи в одну путем добавления юридических норм, указанных в ст. 173.2 УК РФ как квалифицирующий признак преступления, изложенного в диспозиции ст. 173.1 УК РФ.

Если учесть подобные замечания и сократить количество статей Уголовного кодекса, не теряя при этом нормы права, можно достигнуть некоторого упрощения кодекса и освободить номера статей для новых юридических норм.

¹ URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2008/11/21/543773.html>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ] : [ред. от 16 окт. 2012 г.].

³ *Веселков К.В.* Международный опыт противодействия рейдерским захватам. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Борисов Ю.Д.* Рейдерские захваты. Узаконенный разбой. СПб., 2008. С. 155.

⁷ URL: <http://urcollegia.ru/press/reviews/20.htm>.